

БАССЕЙНЪ ПСЕКУПСА *).

И.

Рѣка Псекупсъ принадлежитъ къ числу перво-степенныхъ рѣкъ, орошающихъ сѣверную пово-стность Кавказскаго хребта, въ Кубанской области. Она беретъ начало почти у самаго водораздѣла главнаго хребта, пробѣгаетъ пространство болѣе ста верстъ и самостоятельно впадаетъ въ Кубань **), принявъ въ оба свои берега множество притоковъ, изъ которыхъ особенно значительны Псизъ, Вогеиси и Ходрае.

Долина Псекупса живописна и плодородна. Въ средней части ея протяженія находятся такъ мало еще известныя Псекупскія минеральныя воды. Здѣсь же и штабъ-квартира новопоселеннаго казачьяго полка, получившаго отъ рѣки свое имя. Изъ пятнадцати станицъ этого полка семь поселено въ бассейнѣ Псекупса, а по нѣжнему его теченію находится пять Бжедугскихъ ауловъ.

До покоренія Западнаго Кавказа Псекупсъ со-ставлялъ границу между двумя сильными народами, Абадзехами и Пшаугами, и служилъ центральною рѣкою для большихъ международныхъ собраний. Здѣсь было послѣднее мехеме (народное вѣче) Магмета-Ампа.

Повстанія и густо населенная долина Псекупса величалась у горцевъ Мессиромъ т. е. Егип-томъ, и ни одна изъ горныхъ долинъ не хранила столько преданій, восходившихъ до самой отдален-ной древности.

Съ незапамятныхъ временъ берега Псекупса принадлежали населенію, которому суждено было за-нимать поочередно могилы своихъ предшественни-ковъ. Табъ Бжедуги застали по Псекупсу курга-ны, насыпанные по ихъ разказахъ Франками; Абадзехи наслѣдовали курганы Бжедуговъ, сдѣлан-ные ими въ періодъ христіанства. Мы, Русскіе, посе-лились на могилахъ Абадзеховъ. — При крайне ограниченной любознательности горцевъ, сосредото-ченной исключительно на потребностяхъ вседнев-ной жизни, курганы эти снабдили ихъ лучшими богатѣйшими кладками; снабдили золотомъ, употре-бленнымъ на щегольскую отдѣлку оружія, — и только. Горцы не ломали головы при видѣ выко-панной изъ кургана монеты, или дорогой вещи, не заглядывали въ прошлое и не добиваясь узнать, по какому случаю Франки — Европейцы сложили кости свои на отдаленномъ кавказѣ. Вотъ почему не имѣется у Франковъ никакой легенды у гор-скихъ племенъ; свѣдѣнія о нихъ скрываются въ подземномъ архивѣ, въ курганахъ, повсюду раз-сыпанныхъ, и тогда только сдѣлаются доступными, когда житейская любознательность отворитъ двери и представитъ археологу какую-либо серьезную находку, а антропологу — черепъ древняго бо-гатыря.

Изъ болѣе извѣстныхъ находокъ въ курганахъ по р. Псекупсу замѣчательны: золотой браслетъ съ горнымъ хрусталемъ, отбеченнымъ въ видѣ орѣха, вѣсомъ въ 10 полунперіаловъ, и золотой, толщину въ гусиное перо, пруть, данною въ ар-шинъ съ четвертью и вѣсомъ въ 8 полунперіа-ловъ, на обухъ боцхъ котораго находились змѣ-ниныя головы. Рѣдкости эти найдены были въ 1858 году возлѣ села Пшегалукай, на правой сторонѣ Псекупса, въ горахъ земли, обвалившейся въ рѣ-

ку съ кургана. Браслетъ приобретенъ княземъ Ка-зубекъ Волотоковымъ и увезенъ въ Турцію; пруть же золотой переданъ Прапорщикомъ Борокомъ Асла-новымъ Генералъ-Маіору Кусакову *).

Затѣмъ въ Ключевой станицѣ, при срытіи кур-гановъ, находившихся на половомъ дворѣ, кромѣ истлѣвшаго востяка, найдены были двѣ серебряныя вещи, изваяныя работы, похожая на привнесенныя серги, а въ другомъ отсыпаннѣ брусокъ съ ды-рочкой для привѣшыванія къ поясу и обухъ отъ бритвы, истребленной яввиною. Последняя на-ходка явно указываетъ, что курганъ принадлежалъ предкамъ князьскихъ Бжедуговъ, по преданіямъ которыхъ бритве бороть до послѣдняго дня жизни составляло отличительную черту благороднаго ры-царскаго происхожденія. Что же касается до че-репьевъ глиняной посуды краснаго и сѣраго цвѣта, то они во всякую минуту могутъ быть собраны по Псекупсу, между Бакинской и Псекупской ста-ницами; но эти остатки говорить только о весьма нецвѣтущемъ состояніи горшечнаго искусства у Псекупскихъ Франковъ, которые по всей вѣроят-ности имѣли здѣсь постоянныя торговыя сношенія, потому, что среди этихъ же черепьевъ въ 1854 году отыскана была горцами толстая золотая мо-нета съ выпуклымъ изображеніемъ звѣря, которая была въ томъ же году представлена въ С.-Петер-бургскую академію наукъ Войсковымъ Старшиною Гуковымъ *). Находку этой монеты должно счита-ть пока самымъ драгоцѣннымъ приобретеніемъ съ рѣки Псекупса, и если она Воспорская, то по-зволяетъ предполагать возлѣ станицы Псекупской существованіе греческой оагоріи, для которой мѣст-ность была вполне благоприятна.

Но кромѣ горцевъ, искавшихъ въ курганахъ кладки и золота, послѣдніе искали и наши сол-даты, стоявшіе продолжительное время бивачами въ сосѣдствѣ съ курганами. Свѣжая раскопка за-мѣтна на нихъ; слуховъ же о кладахъ ни какихъ не имѣется, да не во всякомъ курганѣ и находят-ся кладки — достояніе немногихъ счастливыхъ. Изъ извѣстныхъ поштокъ во вновь повершеномъ краѣ обогатили свѣдѣніями о далекомъ живущемъ удачѣе всѣхъ были произведены Подполковникомъ Е. С. Старосельскимъ, сдѣлавшимъ въ июль ми-нувшаго года недѣльный привалъ съ сотнями въ-вѣннаго ему полка на земляхъ, принадлежащихъ Тубинскимъ Абадзехамъ. Изъ кургановъ, разрытыхъ имъ, были выкопаны: прямыя мечи, крестообраз-ный остатокъ щита, наконечники стрѣлъ и парня, удѣлывшая лишь на нѣсколько минутъ и отъ при-косновенія воздуха превратившаяся въ прахъ. Зо-лотыхъ и серебряныхъ вещей въ курганахъ не отыскано, быть можетъ потому, что земля и уголь, въ изобиліи въ нихъ найденные, не были надлежа-щимъ образомъ просѣяны.

Еще замѣчательна раскопка кургана въ укрѣ-пленіи Григорьевскомъ, откуда вынуты были: ку-сокъ металлическаго зеркала и серебряная боль-шая дѣнь съ отбеченнымъ, въ видѣ орѣха, гор-нымъ хрусталемъ. Раскапывались также курганы, находящіеся противъ ст. Пшехой; но тамъ, са-момъ огромнѣйшемъ изъ нихъ, открытъ былъ «кенотафъ» — пустой гробъ, дѣлаемый обыкновенно замѣчательному лицу, погибшему въ битвѣ, трупу котораго достался непритольно, а въ курганахъ ма-

*) Подъ этимъ заглавіемъ имѣе общій рядъ статей, до-казствующихъ знакомствъ читателей Кубанскихъ Ведомо-стей съ одною изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстностей пово-стного казачьяго края — Общицею это принято нами съ декрѣнней прилежательностью. *Ред.*

**) Устье Псекупса находится противъ станицы Пшехой-ской въ 7 и верстахъ отъ Екатеринодара. *Ред.*

*) Въшему Начальнику войскаго штаба. *Ред.*
**) Войсковой старшина Гукъ (умершій подполковникомъ) известенъ въ Екатеринодарѣ какъ замѣчательный любитель и собиратель археологическихъ рѣдкостей, немалое количе-ство которыхъ разновременно представлено имъ въ Керчен-скій музей. *Ред.*

амъ найдены были: свѣстля, у которыхъ голенистая кость вышла въ длину отъ 10 до 11 вершковъ, также ошпа, имѣвшая фигуру буквы В и кремни. Курганы эти не содержали ни черепьевъ глиняной посуды ни сажа угля, сажд они современны курганамъ, разрытымъ въ Ключевой станицѣ, и принадлежать къ числу тѣхъ, на которые остатки древняго оружія не обращали ни малѣйшаго вниманія. И дѣйствительно, по преданіямъ горцевъ, не всѣ курганы построены Франками; большая же часть ихъ насыпана предками въ эпоху фетинизма и только меньшая часть во времена позднѣйшаго Абадзехами. Курганы Франковъ отличаются громадностію и часто обѣяны тысячелѣтними дубами, какъ напримѣръ — курганъ на лѣвомъ берегу Пескупса, между Ключевой и Фаугорійской станицами. — Матеріалъ для насыпки кургановъ обыкновенно брали изъ близъ лежащихъ рѣкъ; это песокъ и мелкій гальштъ, которымъ устья русла горныхъ рѣкъ. Такое заключеніе можетъ показаться смѣлымъ, но нельзя его не сдѣлать, сравнивая матеріалъ кургана съ землею, на которой онъ находится, и встрѣчая черепья глиняной посуды и уголь въ верхнихъ слояхъ насыпи. Кроме того, находимый иногда вокругъ кургана ровикъ съ наружнымъ валомъ, заставляетъ считать его скамьей для народа, участвовавшего въ отданіи послѣдней почести умершему, а разнобразная величина кургановъ показываетъ не равныя средства, какими располагали родственники умершаго, соорудившіе надгробный ему памятникъ. Курганы въ глухихъ мѣстахъ разрыты горцами, а стоявшіе по близости населенныхъ мѣстъ до нашихъ временъ остались неприкосновенными. Уваженіе къ нимъ допускалось даже мусульманскимъ духовенствомъ, хорошо знавшимъ, что съ именемъ кавказскаго Франка не звязано никакихъ христіанскихъ воспоминаній, объ истребленіи которыхъ въ средѣ горцевъ заботилась наша сосѣдка — Турція. По ихъ мнѣнію пагубное для души христіанства занесли въ горы «Урымы» т. е. Греки. Курганы эпохи фетинизма обыкновенно встрѣчаются въ дубовыхъ рощахъ, куда свозились умершіе съ окрестныхъ хуторовъ, клались на землю подъ дубомъ и засыпались землею, въ которую родственники сажали потомъ молодое деревцо. Вотъ почему рядомъ со старымъ, дряхлымъ дубомъ, растутъ молодыя цвѣтущія деревья, достигающія ихъ вершины. Такое кладбище замѣчательно возлѣ Супской станицы, о которомъ до настоящаго еще времени разсказываются легенды.

Курганы эпохи христіанской ставились по близости жилищъ. Въ нихъ костица находится лежащимъ на материкѣ, обращенный черепомъ къ востоку; ни черепьевъ посуды ни угля въ такихъ курганахъ не найдено, нѣкоторыя же вещи попадались въ курганахъ, разрытыхъ въ Ключевой и Пшедской, о чемъ сказано было выше. Металлическихъ священныхъ предметовъ изъ кургановъ этой эпохи до настоящаго времени не было открыто, должно быть не существовало обычая класть ихъ съ покойнымъ; кресты же на нихъ воздвигались, но ихъ уничтожило не столько время, сколько мусульманскіе фанатизмъ, преслѣдовавшій еще въ 1848 году деревянные кресты, которые ставились горцами на границахъ юртовъ, въ защиту отъ приближенія эпидемическихъ болѣзней.

Курганы, насыпанные Абадзехами, какъ переносные памятники къ нынѣшнимъ могиламъ, отличаются тѣмъ, что костица въ нихъ находимые положены въ неглубокую яму, вырытую въ сто-

роу подъ материкомъ, закрыты доскою и засыпаны сверху земли камешками, должно быть отъ хищнаго звѣря, но, по понятіямъ Абадзеховъ, камешки, положенныя на могилѣ покойнаго, помогутъ ему затушить вѣчный огонь въ день страшнаго суда, въ который предназначено всѣмъ камнямъ превратиться въ воду.

Итакъ курганы, разбросанные по бассейну рѣки Пескупса, не безотвѣтны о населеніи, занимавшемъ его до прихода послѣднихъ жильцевъ — Абадзеховъ. Первая серьезная находка въ нетронутомъ курганѣ или одинъ изъ обваловъ, которыми славится Пескупсъ, разъяснятъ многое о загадочныхъ франкахъ, вооружившихъ Адыгскія племена прямыми клинками. Въ ожиданіи такого важнаго событія, бросимъ взглядъ на прошлое Абадзеховъ, со времени появленія ихъ по сю сторону главнаго хребта, до передачи бассейна Пескупса въ вѣчное и потомственное владѣніе казакамъ Пескупскаго полка Кубацкаго казачьяго войска.

(Продолж. будетъ).

во сильными, что вступивъ въ открытую борьбу съ Хамышевцами, заставили ихъ очистить Хамышны и удалиться на Псекупсъ къ родичамъ своимъ Черкесевцамъ. Не одному потомству Оздемира достались Хамышки, но и адыгскимъ бѣглецамъ, скрывавшимся въ неприступныхъ тущобахъ сѣвернаго склона главнаго хребта, откуда произошли они наѣзды. Существовавшіе единымъ грабѣжемъ, они съ великой радостью спустились на обработанную землю; слыхавъ съ абхазскими войсками; вдохнули въ нихъ воинскую отвагу, и смирные до той поры земледѣльцы дѣлаются извѣстными на западномъ Кавказѣ подъ именемъ абадзехскаго племени, грознаго адыгской аристократіи.

Приходъ Хамышевцевъ на рѣку Псекупсъ не остался безъ вліянія на сосѣдственные адыгскіе племена: Жаневцевъ, Темиргоевцевъ и Шансуговъ. Страхъ, внушенный Абадзехами, заставилъ ихъ погнѣситься и добровольно дать мѣсто безпріютнымъ нагнапникамъ, славнымъ князьямъ хамышевскимъ. Черкесевцы, очистивъ верхній бассейнъ рѣки Псекупса, перешли за рѣку Чигіяко, и отодвинули Жаневцевъ къ Кубани и Бѣлой; на правую сторону этой рѣки перешелъ темиргоевскій аулъ Адемій, а Шансуги уступили князю хамышевскому урочище Адыгею, гдѣ онъ и основалъ свою резиденцію.

Но недолго бассейнъ Псекупса находился во владѣніи Бжедуговъ. По примѣру прочихъ адыгскихъ племенъ, очутившихся сосѣдями вооруженныхъ земледѣльцевъ, именовавшихся Абадзехами, и Бжедуги несли мечтать о прочной сѣбѣ. Управляемые на феодалныхъ основаціяхъ, они также повиновались князьямъ и ворякамъ, личная выгода которыхъ заключалась въ томъ только, чтобы поддерживать между ними средневѣковой, внутренней порядокъ. Вотъ почему, повидимому цивилизованнаго адыгскаго племени, шлоши на степень ко-мующихъ племенъ. Со времени появленія Абадзеховъ, Адыге начали строить легкія турлучныя сакли, селиться большими аулами, гдѣ власти удобно было присматривать за простымъ народомъ, который завидуя независимости Абадзеховъ, самъ къ ней стремился. Словомъ, Адыгскія племена стали на походную, вооруженную ногу и двигались за князьями отъ горъ къ равнинамъ Лабы и Кубани. Абадзехи же, занявъ землю, ставили срубъ; селились хуторами, признавая власть старшаго въ семействѣ; жадно приобрѣтали у Адыгъ мѣста, укрупленные природой; не увлеклись воинскою славой, практиковались разбоемъ и грабѣжемъ, а обработываемую землю защищали упрямо, считая ее основнымъ капиталомъ дѣятельности. Аристократія адыгская не въ силахъ была вытолкать Абадзеховъ изъ пересѣченной мѣстности за недостаткомъ одиночужиня; постоянные же наѣзды на разбросанные хутора, доставляя добычу, явились въ тоже время самолюбие князей и дворянъ, которымъ приходилось скрещивать оружіе съ мужиками. При такихъ условіяхъ абхазскія фамиліи Купшеса и Оздемира въ нѣсколько вѣковъ размножились до того, что стали нуждаться въ землѣ и предпринимать вооруженной толпой выселенія. Потребность въ землѣ превратила адыгскія племена въ сторожевое войско Абадзеховъ, прикрывшее ихъ сперва отъ Татаръ, а потомъ и отъ Русскихъ. Но обратившись къ Бжедугамъ. Кагъ было замѣчено, они не долго хозяйничали на рѣкѣ Псекупсѣ. Назадъ тому 236 лѣтъ, какъ говорятъ горцы, слѣдъ въ 1631 году, произведено было

Абадзехами одно изъ большихъ выселеній, сравнительно которое можно съ нашестіемъ орды. Лагерная построили адыгскихъ племенъ по р. Пшехѣ, Пшину и Курджинсу, выдающимъ съ лѣвой стороны въ р. Бѣлую, были брошены. Махошевы перешли на Фарсъ и Псеоръ; Темиргоевцы, прогнавъ за Лабу ногайскія племена, заняли земли по правую сторону рѣки Бѣлой; что же касается до Бжедуговъ, обращающихъ преимущественно наше вниманіе, то въ это же выселеніе противъ нихъ выступили: два наѣзника *Едикъ* и *Недлюкъ*, которые развились ненавистью къ хамышевскимъ князьямъ. По горамъ хребта Хотхъ, они повели на Бжедуговъ цѣлое полчище народа съ женами, дѣтьми и хозяйствомъ. Возгорѣлась многолѣтняя война, недопускавшая рѣшительной битвы, потому что Абадзехами заняты были высоты Хотха, укрупнившись на которыхъ они настойчиво тѣснили Бжедуговъ, не дозволяя покойно заниматься полевыми работами, и наконецъ овладѣли бассейномъ Псекупса отъ верховьевъ до р. Чигіяко.

Уступивъ свои земли, Бжедуги подвинулись къ Кубани, потрясли въ основаніяхъ племя Жаневцевъ, часть котораго слыхась съ ними, а другая ушла на островъ Каракубанъ. Низовья рѣкъ: Пшиса, Псекупса до рѣки Аописа, заселенныя Жаневцами, перешли къ Бжедугамъ, гдѣ и живутъ они до настоящаго времени. Бжедуги насчитываютъ 228 лѣтъ существованія своего на земляхъ, нынѣ ими занимаемыхъ, слѣдъ окончательнаго перехода верхняго и средняго бассейновъ Псекупса владѣніе Абадзеховъ со времени росписанія послѣ восьмилѣтней войны, или ходатайствами, которыя не безъ труда должно обращаться съ сознательнымъ читателемъ, гдѣ условій къ Бжедугамъ единственно, гдѣ преданія не подвержены исторической критикой.

Приходъ Абадзеховъ изъ за южнаго склона главнаго хребта нѣсколько подтверждаетъ и фамилія Оздемиръ, въ которой нетрудно угадать собственное имя, встречаемое въ настоящее время въ племенѣ Абхазскомъ: Оздемиръ, Адамиръ, Остамиръ и т. п. Если же въ названіи «Абадзехъ» отыскать корни языка адыгскаго, то оно можетъ быть переведено такъ: *Аба*—имя собственное, указывающее родину, *дзе*—войско, корень глагола *дзеньыр* бить; а есть знакъ множественнаго числа. Въ такомъ случаѣ, названіе Абадзехи вполне характеризуетъ вооруженныя нашествія этого племени на племена адыгскія, отъ которыхъ они заимствовали языкъ и получили имя, какъ незначительная горсть пришельцевъ, брошенныхъ въ среду народа, выше ихъ развитаго.

По заключенію же извѣстныхъ писателей, знавшихъ публику съ кавказскими племенами, племя Абадзеховъ причислено ими къ племеню Адыгъ.—За неимѣніемъ письменныхъ памятниковъ у горскихъ народовъ, заключеніе это по всей вѣроятности основано на логическихъ выводахъ о значеніи языка въ этнографическомъ отношеніи. Между тѣмъ, всякому горцу извѣстно, что Абадзехъ, назвавъ себя Адыге, въ то же время величался благороднымъ своимъ происхожденіемъ, иначе хвастался... Переворотъ, быстро совершившійся на Западномъ Кавказѣ, оставилъ намъ прощальный лепетъ народа, на вѣки бросившаго родину. Этотъ лепетъ подслушанъ и передается во всей чистотѣ касательно описываемой мѣстности, слѣдъ живое слово непростительно было бы замѣнить печатнымъ, умолчавъ о появленіи Абадзеховъ

изъ Абхазіи подъ предводительствомъ Купшеса и Оздемира. Опровергнуть или подтвердить эту новость—дѣло будущей исторической критики; наше время обязано собирать матеріалъ изъ устъ народа нынѣ возрождающагося и снять съ него погрѣтъ преюде, нежели измѣнятся черты его подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни.

Николай Каменевъ.

(Продолж. будетъ).

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

БАССЕНЪ ПСЕКУСА *).

III.

По зачатіи Псекуса, Абадзехи — народъ действительно демократическій, неосталось равнодушіемъ къ сосѣдямъ своимъ: Шапсугамъ, Бжедучамъ и Натухавцамъ, отсюда раздавался вопль средняго сословія, угнетеннаго князьями и дворянами. — Абадзехи сознательно поддерживали дружескія сношенія съ однимъ сословіемъ, входили въ родственныя связи и раздвигали ненависть къ сословію высшему, властолюбіе котораго, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, могло бы сдѣлаться и для нихъ опаснымъ. Измѣнить внутренней стрелы у сосѣдей, было господствующимъ желаніемъ Абадзеховъ; уничтожить самоуправство князей и дворянъ, было господствующимъ стремленіемъ средняго сословія. При такомъ настроеніи умовъ, революція стала неизбежной и, вотъ, въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія она вспыхнула въ Шапсугскомъ племени. Псекусскіе Абадзехи не успели случая принять горячее участіе въ возмущеніи средняго сословія противъ сословій привилегированныхъ, и, не смотря на страшную потерю, понесенную ими въ славной для князей и дворянъ Батюковской битвѣ **), они поддержали упавшій духъ Шапсуговъ, и помогли имъ учредить народное управленіе, основанное на выборномъ началѣ.

Чтобы сдѣлать почетнымъ политическое вліяніе Абадзеховъ на внутренній бытъ сосѣднихъ племенъ, и представить въ возможной ясности событія, предшествовавшія упомянутой революціи, слѣдуетъ бросить взглядъ на образованіе сословій въ Адигскихъ племенахъ, изъ числа которыхъ одно только Кабардинское гостило въ Европѣ.

Поразказавъ горцевъ, развившихся подъ ближайшимъ вліяніемъ Магомета-Амниа, который, выработывая изъ средняго сословія оплотъ мусульманской вѣры, мечталъ создать на Западномъ Кавказѣ духовное владіе, всѣ племена, говоряща Адигскимъ языкомъ, составлены изъ двухъ главныхъ элементовъ: иностраннаго и туземнаго. Князья и большая часть дворянства низшихъ степеней — иностранцы; къ кореннымъ же обитателямъ принадлежатъ: простой народъ, добровольно признавшій власть ихъ, и дворяне перваго класса.

Такое заключеніе истекаетъ изъ слѣдующаго поговѣствованія о расселеніи Адигскихъ племенъ по землямъ, на которыхъ застало ихъ наше время:

Въ древнѣйшія времена, когда Греки и Франки интересовались Кавказомъ, нѣмнѣйшія Адигскія племена обитали на берегу Чернаго моря, на землѣ «Хекужъ», хеку — родина — отечество, жесе — старый, Хекусжесъ — пепелище — названіе, уцѣлѣвшее до настоящаго времени въ искаженномъ словѣ «хакучъ», которымъ именуется незначительное племя горцевъ, испытывавшихъ послѣдніе удары нашего оружія. Земля Хекужъ заключала въ себѣ нѣсколько бухтъ, простираясь отъ Анапы, берегомъ моря, внизъ до земель «Абазы» — Абхазскія. Народъ въ Хекужѣ говорилъ однимъ языкомъ. Не подчиняясь единой власти, онъ не имѣлъ и общаго племеннаго названія, исключая «чилле» — народъ «человѣкъ» — «цыфъ», иногда же, для обозначенія мѣстности, онъ назывался по имени

* См. 2 и 5 № к. В.
**) Близъ нѣмнѣйшей Ново-андріевской станицы Псекусскіаго воида.

племени, въ назвѣ которыхъ группировались его хутора. Жизнь въ Хекужѣ была кривовѣдая; всен дѣятельность жителей обращена была на промышленность и торговлю, отъ которой они богатыли. — Близей и дворянства у нихъ не существовало, слово же «воркъ» хотя и было, но оно означало человѣка гостеприимнаго, обладающаго средствами принимать стражниковъ и гостей, для чего близкій его жилища устраивался «хачингъ» — помѣщеніе для прѣзжихъ. Съ понятіемъ о гостеприимствѣ неразлучно было и понятіе о благородствѣ; по воркъ не имѣлъ ни какой власти и ни какихъ особенныхъ правъ. Для нихъ достаточно было всеобщее уваженіе, возбуждаемое въ народѣ исполненіемъ лучшей добродѣтели. Власть принадлежала главѣ семейства, въ болѣе важныхъ случаяхъ старшему въ родѣ; скорѣе же всего, народъ былъ склоненъ повиноваться иностранцамъ, людямъ занованнымъ въ стать, богатымъ, умнымъ, день высадки которыхъ на берегъ назывался «мафсиху» — днемъ торжественнымъ, даровавшимъ народу праздникъ. Такое гостеприимство могло послужить Грекамъ поводомъ назвать Черное море, несмотря на его бурю, гостеприимнымъ моремъ — Эвксинскимъ моремъ.

Когда же торговля сношенія моремъ прекратились, обдѣланный народъ, вынужденный искать средствъ для своего существованія въ обработываніи земли, началъ изъ Хекуджа выселяться. Выселеніе совершилось въ два періода. Въ первый — народъ заселялъ земли пустыя, безъ пролѣтня прови. Во второй періодъ, онъ оставилъ Хекужъ большими группами, предводимыми князьями и, захватывая внутренній земли, силой подчинялъ своей власти всѣхъ жителей, разбросанныхъ на пути его шествія. — Прослѣдимъ первый періодъ.

Часть аборигеновъ, обитавшихъ въ окрестностяхъ Анапы и Цемеса, двинулась на сѣверъ къ Азовскому морю, гдѣ пополнившись остатками народовъ, разгромленныхъ нашествіемъ Гунновъ, поселилась также и въ Крымъ. Изъ нихъ въ послѣдствіи образовалось племя Кабардинцевъ. Подъ вліяніемъ мѣстныхъ условий, ближайшаго столкновенія съ цивилизованными народами, Кабардинцы усвоили себѣ ихъ преданія, вооруженіе и ознакомилась съ внутреннимъ ихъ устройствомъ. Но живя въ Европѣ нѣсколько столѣтій, они не прерывали сношеній своихъ съ Хекужемъ. Ближайшіе родичи ихъ, оставшіеся въ Цемесѣ, принявъ къ себѣ дружиню иностранцевъ, по Кабардинскимъ преданіямъ, прибывшихъ изъ Египта, а по преданіямъ Натухавцевъ и Шапсуговъ изъ Малой Азіи, успѣли подчиниться имъ, признавъ главою Кеса — предводителя дружины. Они дали ему званіе «Пши» — «Пшисха» — высшій, высшая голова, а дружинѣ его почетное званіе ворковъ. Узнавъ о доблестяхъ Кеса, Кабардинцы, обитавшіе въ Крымъ, руководимые вліятельными старѣйшинами, также подчинились его власти, исполнителями которой была дружина принца, связанная съ туземцами узами родства и соблаженіемъ коренныхъ народныхъ обычаевъ. Такимъ образомъ Кесъ и его дружина окончательно усвоили обычай и преданія, занимавшія въ Европѣ Кабардинцами, и положили прочное основаніе феодальному строю въ своемъ племени.

Между счастливѣе обитатели Хекуджа подымались массово къ верховьямъ приморскихъ рѣкъ и перемѣстившись чрезъ хребты, заселили земли до нижней Кубани. Они не удалились отъ патриархальной простоты родового быта и, въ дѣствіе того, сохранивъ народное правленіе, сплотились въ два самостоятельныхъ племенъ, извѣстныхъ впоследствии

подъ именемъ Шапсуговъ и Натухавцевъ. — Тѣ же въ аборигеновъ, которые выселились изъ Хекужа семействами, группировались въ уличьяхъ, между рѣками Шахе и Хосто, занимаясь разбѣгомъ на морѣ и грабежомъ на сухомъ пути. Они вооружили противъ себя жителей оставшихся въ Хекужѣ; заставили ихъ прекратить съ собою всякое сношеніе и получали отъ нихъ наименѣе Убыхъ. «Убы» — корень глагола *убишъ* — поручить, злословить, *х* — окончаніе множественнаго числа, — что означаетъ людей, достойныхъ за свои нравственныя качества ссылаи. Отлученіе Убыхъ отъ земляковъ и вліяніе замкнутой дикой природы, отразившись на языкѣ, нравахъ и обычаяхъ, выработали изъ Убыховъ отдѣльное, самобытное племя на Западномъ Кавказѣ, ближе всѣхъ связанное съ Адигскимъ казачествомъ, слывшима съ Абадзехами.

Участъ же аборигеновъ, которые увлеченіемъ розыскемъ земли, наиболее удобной для полезнаго хозяйства, распространили хутора свои по плоско-сти до рѣки Бѣлой, была самая печальная. Удаленные отъ родины и не удержавъ родовой власти, они не составили отдѣльнаго племени — сильнаго единодушіемъ и сдѣлались, какъ увидимъ ниже, жертвою своихъ же земляковъ, выведенныхъ изъ Хекуджа во второй періодъ выселенія.

Выселеніе во второй періодъ совершилось съ двухъ береговыхъ пунктовъ: Туансе и Цемеса, гдѣ приняты были народамъ другими иностранцевъ, утвердившихъ возникшую изъ ихъ среды власть князя. Народъ пужавшійся въ землѣ, управляемой непримирчивыми князьями, желавшими утвердить въ своемъ племени власть, самостоятельно выступилъ изъ Туансе и двинулся во внутр страны Чиллепескимъ ущельемъ. А изъ Цемеса народъ ушелъ, спасая свою независимость, по дорожкѣ ананской, пробитою Генуэзцами, которые вели торговлю съ Сидами, Антами и Аламами, зашатавшими въ древнѣйшія времена земли, доставшіяся нѣмнѣйшимъ Адигскимъ племенамъ. Чрезъ ущелье Чиллепеское, получившее названіе отъ рѣки «Чиллепен» — *чилле* — народъ, *пси* — вода, рѣка, Первыми, прошли выходы, положившіе основаніе племени «Кемугой» *), *кель* — вѣроятно ими собственное, *гой* — корень глагола «*гойшъ*» — собирать. Имя князя, подчинившаго ихъ съ Туансе, преданіе не сохранило, но онъ побѣдоносно довелъ свой народъ до рѣки Бѣлой, и умножилъ его одиодворцами, не успѣвшими укрыться въ горныя трудобы. Захвативъ внезапно и покорившіеся владѣнціи добровольно, вошли въ составъ племени подъ именемъ «огъ» — подвластный, корень глагола *гойшъ* — держать въ подчиненіи. Тѣ же, которые отстаивали свою свободу упорной защитой или самоубійствомъ, захвачены были въ разсыпную, сдѣлались военно-пѣлыми и поступили рабами въ лицамъ ихъ вѣзшихъ, подъ названіемъ «пшичъ» — буквально мужъ высшаго **). Какъ опытные, трудолюбивые земледѣльцы, они, съ лишеніемъ свободы, приобрѣли себѣ вниманіе со стороны владѣльцевъ, которые, имѣя въ виду укрѣпить ихъ за свѣмъ потомствомъ и не допустить бѣгства, имѣли съ покровительствомъ, утвердили за ними ущелье, гораздо позднѣе племени Кемугой, прошли нѣмнѣйшіе Бжедучи, предводимые Керканомъ и Хачинемъ ***). Сдѣлавшись обладателями Псекуса, они, въ свою очередь также захватили бездѣльных одиодворцевъ, избывавшихъ власти Темрюковцевъ.

*) Темрюковцы.
**) Вѣроятно — сослѣдъ.
***) См. стр. 2 главу.

Но замечательнее предыдущих выселений совершилось выселение из Хезужжа—Кабардинского племени, под начальством князя Инала. Полагаем, что мы не сделаем большого отступления от главного предмета нашей статьи, изложив здесь некоторые подробности относительно возвращения на Кавказ сильного, устроенного и образованного племени в Европ. берегового Кавказского племени.

Кабардинцы, обитавшие в Брыму и Цемесъ, избрав повелителем своим Кеса, не оставили без внимания соседних с Цемесом жителей онутовавших его постоянными набегами. Будучи Натухасевцы и Шапсуги, носившие тогда название «Бахта» — извоухъ жителей, не в силах были сопротивляться нападению соединенных властей Кабардинцев. Они были покорены или, обложены податью и навсегда лишены права имѣть, изъ среды своей, дворянство, получить подолго — носимое название «Дсогъ», буквально — кеса — подвластных. Покорение народа Бахта сделало Кабардинцев владѣтелями Хезужжа до ущелий, занятых Убыками, и первенствующимъ племемъ въ числѣ Кавказскихъ абхазцев. Если бы большая часть Кабардинцев, жившая въ Брыму, утвердилась въ немъ, то, по всей вѣроятности, изъ его средневѣкового устройства могла бы выработаться государственная власть, чему благоприятствовали: мѣстная условія и христианская вѣра, поддерживаемая Греческими миссионерами. Но несуждена была Кабардинцамъ прогрессивная цивилизация. Появление, между рѣками Волгой и Дономъ, сильныхъ многочисленныхъ Аваровъ, заставило ихъ, подъ начальствомъ князя Инала — потомка Кеса, переправиться чрезъ Киммерійскій проливъ на Таманскій полуостровъ, а оттуда, чрезъ устье Кубани, въ окрестности нынѣшней Анапы на урочищѣ «Чихурай» — *чи* — земля, *лурай* — круглая. — Прийдя на родину, Кабардинцы не долго пользовались своей властью. Аварійскій Ханъ Баганъ, горя нетерпимымъ подчинить ихъ своей власти, съ многочисленной ордой выступилъ противъ Кабардинцевъ и погналъ ихъ гонимой дорогой. Когда Кабардинцы, подвигнувшись на «Пнегодаяжъ» — *пнего* — былая лошадь, *даяж* — старый, — перевали, при проходѣ изъ Анапы къ Цемесу, и стали спускаться въ ущелье, Аварцы настигли ихъ. Произошло кровопролитное сражение, въ которомъ приняли участие, совместно съ Кабардинцами и, подвластные имъ, извоухъ жители. Потери Кабардинцевъ были огромны; но отважный князь Иналъ задержалъ преслѣдованіе Аваровъ и, расположившись станомъ на долину, призывающей къ ущелью, воздать честь убитымъ, совершивъ погребеніе, которое сопровождалось плачемъ женъ и дѣтей убитыхъ. Въ память о кровавой битвѣ съ Баганомъ, ущелье это по нынѣ называется Багановскимъ. Въ память объ Иналѣ, тамъ же находится «Иналъ Пенгъ» — колодезь Инала. Въ воспоминаніе о торжественномъ погребеніи убитыхъ, рѣчка, протекающая по долину и впадающая, съ правой стороны въ рѣку Неберджай, названа «Богато» въ переводѣ — обильная слезами. Но Баганская битва не заставила Хаана Аварскаго возвратиться во свои, онъ продолжалъ упорно преслѣдовать и тѣшить Кабардинцевъ до рѣки Абна, гдѣ послѣдніе и одержали надъ нимъ блистательную побѣду.

Опасаясь однакоже новыхъ преслѣдованій съ стороны Аваровъ, Кабардинцы продолжали поди-

таться вверх по р. Кубани, усиливаться однодворцами, обращая ихъ въ овецъ и лошадей и остановились въ среднихъ частяхъ рѣки Бѣлой, гдѣ племя Кезудой оказало мужественному князю Иналу почетное гостепримство. Въ союзъ съ Темиргоевцами Кабардинцы могли противустоять новымъ нападѣніямъ Аваровъ, жестоко преслѣдующимъ ихъ отступленіе до р. Абна. Въ одномъ изъ такихъ преслѣдованій, предводитель Кабардинцевъ, имя котораго преданіе не сохранило, былъ сопутствуемъ своей женой, раздѣлившей съ нимъ опасности войны. Убитая въ дѣвъ жена его была везена съ почетными, отъ Абна, по тропинкѣ, пролегающей по хребту Ишау, до родныхъ острововъ, раскинутыхъ на р. Бѣлой. Тропинка эта соединяющая нынѣшнюю станицу Ставропольскую въ Питигорской, и теперь горцами называется «Хадехтыгъ» — *хад* — мертвое тѣло, *тыг* — корень глагола *гызарь* — нести, *тыгъ* — тропа.

Расположившись на р. Бѣлой, Кабардинцы вмѣстѣ съ Темиргоевцами, какъ одноплеменные народы, выведенные изъ Хезужжа князьями, назвали себя Адыге и подчинились мудрому, храброму, обожаемому князю Иналу. Оближеніе этихъ племенъ установило однообразіе во внутреннемъ ихъ устройствѣ и сделало князя Инала настолько сильнымъ, что онъ покорилъ даже Абхазию. Но зерно государственной власти, принесенное Кабардинцами на Кавказъ, погибло въ зародышѣ. Горцы, образованные подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи и возвратившіеся доврѣтъ въ горы, вскоре подчинились вліянію дикой природы. Рука объ руку съ временемъ, она начала напѣвать дѣтямъ своимъ пѣснь необузданной свободы и, едва пестало князь Инала, усматриваго въ Абхази на р. Взмѣ, сыновья его, споря за единовластіе, пересорились и произвели между Адыгами крайній безпорядокъ. Многочисленное дворянство, пользуясь смутами князей, предавалось буйству и, вмѣстѣ съ ними, принялось грабить народъ, а нѣкоторые честолюбцы отравились ненавнью счастья и власти къ извоухъ жителямъ, среди которыхъ положили начало дворянскому сословию. Распря дѣтей Иналовыхъ раздѣлила Адыгъ на первоначальныя племена: Кабардинское и Темиргоевское. Первое, съ князьями Иайхотомъ и Меньбулатомъ, перешло въ нынѣшнюю Кабарду, а второе, отдавъ первенство предъ своими князьями младшимъ сыновьямъ Инала — Кириншу и Унармесу, осталось на р. Бѣлой, подъ ихъ властію.

Во время бывшаго между дѣтьми Инала спора за власть извоухъ жители, переставъ платить имъ податъ, подверглись неистовымъ набѣгамъ со стороны Адыгскихъ дворянъ. Женъ, дѣти и скотъ былъ главной цѣлью ихъ грабительства. Находясь въ такомъ печальномъ положеніи, извоухъ жители съ радостію принимали къ себѣ бѣглыхъ дворянъ, которые поселившись между ними, дѣлались ихъ заступниками и часто вооруженной рукой возвращали похищаемое имущество и плѣнныхъ.

Замѣчательные всѣхъ изъ этихъ выходцевъ былъ Абатъ, рожденный отъ родственницы князя Инала, изъвшей связъ съ воркомъ изъ фамиліи Гамбиева. Достигнувъ зрѣлаго возраста, Абатъ также хотѣлъ участвовать въ управленіи народомъ; но большинство голосовъ отвергнуть было, какъ незаконнорожденный. Оскорбленный Абатъ, окруживъ себя преданными дворянами, въ числѣ которыхъ преданіе сохранило имена: Сихапете — *тага* — голова, *пете* — брѣвнй и Херзетъ изъ фа-

миліи Анзорова, бросилъ Кабардинцевъ и съ Бѣлой пробрался къ извоухъ жителямъ, гдѣ принявъ власть, предложенную ему Нетха и Голае — старѣйшими племени. Съ водвореніемъ Абата у извоухъ жителей, они начали именовать Нетха куадже и Шапсугъ. Первые получили названіе старѣйшими Нетха, оставленнаго Абатомъ въ званіи, и поддерживавшимъ вліяніе Нетха на народъ съ прибавленіемъ слова «Куадже» селеніе; а вторые — отъ р. Шапсухе, на которой Абатъ, Херзетъ Сихапете и проч. Кабардинцы основали постоянное свое пребываніе. — Спустя нѣсколько времени, Натухасевцы пріѣхавъ, на званіе войтъ, Кабардинцевъ Куденетъ и произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе своимъ вооруженіемъ, мужествомъ осанкой и адыгской гордостью. — Дорогую тебѣ была принесена подушка и угощеніе. На вопросъ окружающаго народа: кто ты такой? Куденетъ отвѣчалъ: «Чинако», *чи* — земля, *нако* — по Кабардински чужой. Принятый съ радостію, онъ остался у Натухасевцевъ навсегда, удержавъ за собою фамилію Чинако и оправдавъ ожиданія народа, щадящаго его отъ мародерства адыгскихъ дворянъ. Такимъ путемъ запесено было къ Шапсугу и Натухасевцамъ дворянское сѣмя. Оно развило народъ воинственный духъ и сделало его способнымъ къ вооруженной оборонѣ, но, въ послѣдствіе времени, въ разможившемся потомствѣ, принятому же народу горькіе плоды.

26 февраля 1867 г.

Ст. Бачочная.

Продолж. будетъ.

Николай Каменскій.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВАССЕЙНЪ ПСКУНСА *).

IV.

(Продолженіе).

Сословный строй въ Адыгскихъ племенахъ былъ слѣдующій: князья, дворяне, среднее сословіе и крестьяне. Права и взаимныя отношенія сословій потрясенны первоначально междоусобіями князей и стремленіемъ средняго сословія къ независимой жизни, такъ измѣнились отъ ближайшаго столкновенія съ Русскими, что ихъ слѣдуетъ считать установленіемъ прошлыхъ, принадлежащихъ исторіи.

Съ этой точки намъ и предстоитъ разсмотрѣть права и отношенія Адыгскихъ сословій между собою, не касаясь сословія крестьянскаго, не входящаго въ программу настоящей статьи.

Сказано было выше, что князья—суть потомки предводителей иностранныхъ дружинъ, которые суджено было приобрести власть надъ приюренными жителями и отодвинуть ихъ во внутреннюю страну организованными обществами. Князь соединялъ въ своихъ рукахъ власть распорядительную, завышшую отъ приговора народнаго, и власть исполнительную, приводя ее въ дѣйствіе посредствомъ сословія дворянъ. Одинъ только князь въ народѣ не имѣлъ своей собственности и не заботился о ней; цѣль его жизни заключалась въ постоянномъ стремленіи сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми и упрочить славу свою въ потомствѣ, а за то подданные доставляли ему всѣ матеріальныя средства.

Идея такой власти возникла при избраніи первыхъ князей обитателями Хезужа, но съ теченіемъ времени сила обстоятельствъ измѣнила ее. Знаменитый князь Иналъ, на долю котораго выпало счастье племеніи отъ власти Аваровъ и рядъ завоеваній, сдѣлавшихъ его повелителемъ всѣхъ почти племенъ Западнаго Кавказа, являлъ въ лицѣ своемъ монарха съ неограниченной властью. Но князь Иналъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, не могъ быть деспотомъ и уничтожить вѣчное народнаго собранія на общественныя дѣла; если при немъ народное собраніе было безгласно, то собственно потому, что не предстояло надобности обсуждать распоряженія князя, всѣмъ любимого, всѣмъ уважаемаго, оставившаго въ народѣ пословицу: «Дай Боже Иналовъ дѣш».

По волежнѣ князя Инала, какъ извѣстно уже, произошелъ между его сыновьями несогласіе, имѣвшій послѣдствіемъ раздѣленіе власти и распачденіе Адыгъ **). Преданіе говоритъ, что дѣти Инала не наследовали ни мужества, ни мудрости своего отца, вслѣдствіе чего власть князя, по старинѣ, была стѣснена совѣтомъ дворянъ и народнымъ собраніемъ. Постановленіе совѣта руководило распоряженіями князя; постановленіе народнаго собранія имѣло силу закона, который тотъ же народъ могъ отменять по своему усмотрѣнію. Что касается до обычая, которымъ князь лишился быль собственности и обеспечивался въ поддержаніи значенія, власти и существованія своего народнымъ имуществомъ, то обычай этотъ, разумный въ моментъ своего появленія, оказался далеко не предсудимительнымъ. Съ умноженіемъ князей, съ дѣтства приученныхъ къ роскошной обстановкѣ, которая главнымъ образомъ заключалась въ многочисленной свитѣ дворянъ, получавшихъ отъ кня-

зей подарки, народное имущество,—источникъ этихъ подарковъ,—было страшно расхищаемо князьями. Тогда народъ, не перестававшій чтить княжескую кровь, пересталъ считать князей своими покровителями,—какъ была въкогда, не гордился больше приобретемъ княжеской паначи, которой по обычаю могъ овладѣть, и употребляетъ всѣ ухищренія, чтобы укрыть отъ зоркихъ княжескихъ глазъ лучшее свое добро.

При такихъ обстоятельствахъ, у князей являлась настоятельная потребность обзавестись собственностью; и вотъ, совѣстно съ дворянами, уничтоживъ единодушіе въ народѣ и участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ, они принялись грабить его, и, разумеется, достигли возжеланной цѣли.

Сословіе дворянъ въ Адыгскихъ племенахъ, образованное изъ туземныхъ старшинъ и дружинъ иностранцевъ, пополнилось въ послѣдствіи и лицами средняго сословія. Чтобы заслужить достоинство дворянина, жалуемое владѣльцемъ, требовалось: удачество и сильное ему повиновеніе. Дворяне эти, оторванные отъ своихъ братьевъ, были вѣрныя орудія, которыя употреблялись владѣльцами для притѣвленія народа. Званіе дворянина въ Адыгскихъ племенахъ получали также Ногайскіе мурзы, Абазинскіе и Осетинскіе уздени, переселившіеся къ нимъ съ цѣлью обогатиться на счетъ земляковъ своихъ. Въ Кабардинскомъ племеніи, одинъ изъ помощниковъ князя Инала, князь Берсанъ, пользующійся до настоящаго времени у горцевъ славою разумнаго администратора, желая между дворянами узаконить старшинство крови и положить конецъ ссорамъ за мѣстничество, раздѣлялъ ихъ на классы.

Къ первому—причислены были «Тлекотлешн» тлеко — ходатай, посредникъ; тлешъ — твердый, крѣпкій. Тлекотлешн были потомки тѣхъ старшинъ, которые правили народомъ въ Хезужѣ и руководили избраніемъ князей. Они ходатайствовали за народъ передъ князьями, а въ случаяхъ разлада ихъ съ народомъ, были между ними посредниками и примирителями. На тлекотлешахъ лежала также обязанность блюсти за сохраненіемъ въ чистотѣ обычаяхъ народныхъ, крестьянскихъ правъ.

Тлекотлешн имѣли своихъ подвластныхъ, среди которыхъ были дворяне, возведенные или камины въ это званіе. Отношенія тлекотлешей къ княжеской фамилии были слѣдующія: по требованію князя они обязаны были являться на войну съ вооруженными всадниками; сопровождать князя при походахъ его въ гости, держа въ вѣрности лѣваго стремени; для невѣсть князя устранивать «тешъ»—двухвѣщное угощеніе. Посредствомъ браговъ они были въ родственныхъ связяхъ съ князьями, что и облегчало первымъ князьямъ слитіе съ народомъ. Права князя не распространялись на собственность тлекотлеша, отъ чего прогрессивно богатыя, тлекотлешн часто соперничали съ князьями, вели съ ними распри и нередко выходили окончательно изъ-подъ ихъ завісьности.

Ко второму классу дворянъ принадлежали «Пшиворн» — княжескіе дворяне; они были потомки иностранныхъ дружинъ. Пшиворн дежурили у князя, стоя у дверей кунайской избы; обязаны были принимать и угощать его гостей, а если въ кунайской избѣ князя для гостей не доставало мѣста, то должны были принимать и угощать ихъ у себя дома. Получая отъ князя подарки, они поставлены были въ двусмысленное положеніе относительно своей собственности. Князь располагалъ ею по произволу, отбирая у пшивор-

на лошадей, скотъ и крестьянъ, для надѣленія ими почетныхъ гостей. При выѣздѣ князя, пшиворн составляли его свиту, слѣдуя въ хвостѣ лошади. Если пшиворнъ сильно провинится или пожелае бы оставить у князя службу, то не теряя званія дворянина, терялъ часто все имущество, подаренное княжеской фамиліей, какъ ему лично, такъ и его предкамъ. Князь имѣлъ право отобрать у него всѣ подарки, тогда пшиворнъ превращался въ «чюворна»,—чю—быкъ, т—сокращеніе «ту»—два, иначе: дѣлаеа пароволовымъ дворяниномъ.

Третій классъ составляли — «воркъ спаутлегуссе», спау—юноша, молодецъ, тле—мужъ, гуссе—товарищъ, что означаетъ молодого человека, котораго взрослый взялъ въ товарищи. Въ это званіе возводились владѣльцами за заслуги ловчіе, храбрые, преданные юноши изъ средняго сословія. Они обязаны были возить за владѣльцами запасныя стрѣлы и водить заводныхъ лошадей; раздѣвать и одѣвать владѣльцевъ; чистить ихъ оружіе; сдѣлать коня, подводить его къ ногѣ; занимать караулъ и смотрѣть за военною добычей. На нихъ возлагались также порученія, сопряженныя съ опасностію и требовавшія удачества. Ворки спаутлегуссе, не имѣя права по своему произволу присутствовать въ кунайной владѣльцевъ, имѣли право ежедневно продовольствоваться у нихъ; были постоянно вооружены и готовы явиться на службу по первому ихъ призыву. Слава на джигитовкѣ и войнѣ была главной заботой ворковъ спаутлегуссе.

Упомянутые выше три класса составляли привилегированное сословіе дворянъ, подготовленное съ малолѣтства къ жизни, исключительно посвященной военному ремеслу. По этому физическое и умственное развитіе ихъ было одностороннее: упражненіе на конѣ, искусство владѣть оружіемъ, вѣрныи глазъ, чуткое ухо и рѣдкая выносливость всевозможныхъ лишеній—составляли отличительную черту Адыгскаго дворянина. Толстые, неповоротливые люди между ними встрѣчались рѣдко, и если они не славилась въ собраніяхъ даромъ слова и плодотворностію ума, то толетота ихъ служила поводомъ къ уличной вичкѣ, весьма оскорбительной для мужчины. Тяжелый человекъ назывался «гумле» — беременнымъ, за немѣннѣемъ въ языкѣ много слова, приличнаго толстому мужику. Въ области умственнаго образованія Адыгскихъ дворянъ принадлежало: знаніе фамильныхъ и народныхъ преданій; знаніе обычаяхъ и правъ, присвоенныхъ ихъ сословію; знаніе старшинства крови между собою, что выражалось утонченною вѣжливостію къ старшему и гордой холодностію въ обращеніи съ младшимъ. Матеріальныя средства къ существованію сословія дворянъ приобретались или на войнѣ, въ набѣгахъ и на воровствѣ, благодаряемъ открытой, молодецкой защитой въ случаяхъ неудачи; приобретались также отъ владѣльцевъ въ видѣ подарковъ; иная трата силъ считалась удачею сословія низшихъ, свыше назначенныхъ трудиться въ потѣ лица, для поддержанія дворянскаго прихоти. Нужно замѣтить, что пародсаннй очеркъ характеризуетъ не идеальнаго Адыгскаго дворянина, а изображаетъ типъ всего дворянскаго сословія, однообразно воспитаннаго. Обычай, съ первыхъ дней появленія на свѣтъ ребенка, удалять его отъ естественныхъ ласкъ отца и матери и отдавать на попеченіе атакама *), была этому главной причиной. До 16 лѣтъ, суровое воспитаніе считалось конечнымъ, «чуръ, князь» — воспитанникъ, былъ уже набѣдникомъ, зналъ обычай, права и обязанности свои, и вотъ атакамыкъ привезъ его къ домашнему очагу. Изъ

*) См. 2, 3 и 14 № № К. В. В.

**) См. стр. III главу.

*) Атакама — воспитатель.

137

«схинъ пеша» — кухни, мать бросила украдкой на сына взоръ и скрылась; отецъ принялъ его, роскошно одѣтаго и вооруженнаго въ кунацкой, набитой родственниками и друзьями, судьями оконченнаго воспитанія. Отеческое чувство, сдержанное въ границахъ приличія, обнаружилось холодно, оно пережито сыномъ и, къ числу добродѣтелей, добытыхъ воспитаніемъ, присоединилось самообладаніе. Вступая въ самостоятельную жизнь, юноша продолжалъ ее съ притупленными чувствами и разсудкомъ, эгоистически направленнымъ.

Среднее сословіе, образовавшееся изъ абортивовъ, составляло ядро Адыгскихъ племенъ, сильное многочисленностію, могущественное производительнымъ трудомъ. Часть этого сословія, жившая въ одномъ аулѣ съ князьями, называлась «лшикеу» лши — князь, кеу — плетень; остальная — соединенная въ аулы тлелотлашей и ворковъ — именовалась «тлъфокотль», къ сожалѣнію — не выражаетъ ничего опредѣленнаго относительно значенія этого сословія въ отношеніи прочихъ, почему и оставляется въ сторонѣ.

Сословіе тлъфокотль, какъ независимое, считало себя свободнымъ сословіемъ, добровольно обязавшимся нещадить ни имущества, ни живота своего для поддержанія княжеской власти, заботившейся о самостоятельности племени.

При первыхъ князьяхъ, оправдавшихъ, какъ говоритъ преданіе, выборъ народа, обязательство это для трудящагося сословія не было обременительно. Помогая князю, оно въ тоже время увеличивало собственное благополучіе, пользуясь плодами завоеваній и было дѣйствительно свободнымъ, хотя и подчиненнымъ въ отношеніи суда и расправы. Но впоследствии врезши, съ разноречіемъ князей и уменьшеніемъ случаевъ, доставляющихъ добычу, князья, а за ними и дворяне, первоначально начальники, а потомъ владѣтели ауловъ, поды предлогомъ заботливости о сохраненіи вѣтреннаго порядка между народомъ — установили за преступленія штрафы. А такъ-какъ непослушаніе владѣтелю состояло во главѣ преступленій, то и выходило, что требованіе княземъ: лошади, скотъ или пригожей холопки, должно было выолнять во избѣжаніе штрафа за ослушаніе. За другіе же преступленія, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, назначаемыя властью штрафы, раздѣлялись между ею и истцемъ. Если власть принадлежала такому владѣльцу, который не отличался качествами, внушающимъ страхъ племени, то и штрафы взымались въ томъ размѣрѣ, въ какомъ за такіа же преступленія опредѣлялись кѣмъ-либо изъ замѣчательныхъ предковъ владѣльца и исполнялись какъ старыя обычаи; въ противномъ случаѣ, штрафъ взымался по произволу и вѣзвался въ народную память, какъ обычай новый. Такая система соблюденія въ народѣ порядка, благоустройства и правды установилась на самомъ безгрѣшномъ основаніи: на отказѣ первоначальной власти отъ личной собственности и на добровольномъ принесеніи имущества и жизни народнои къ ея поддержанію. Такая система не замедлила превратить истомковъ повровителей народа въ притѣснителей его, направивъ проявленіе духа народнаго исключительно къ одному корыстолюбію, отнявшему у него все средства къ благоустройству и самостоятельной цивилизаціи.

Продолженіе будетъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

БАСЕЙНЪ ПСЕКУСА *).

IV.

(Продолженіе).

Обратимся теперь къ внутреннему устройству и управленію, бывшему у Абадзеховъ до Вайюкской битвы. Во время возстанія Оздемирцевъ противъ Хамшесевцевъ, первые нашли союзниковъ въ Адыгскомъ казначествѣ, среди котораго были выходцы и изъ Погайскаго племени, удалившіеся съ мурзами въ горы отъ преслѣдованія крымскихъ хановъ. При такомъ разнообразіи племеннаго состава Абадзеховъ, они не управлялись старшинами. Свободный, вольный народъ, раздѣленный на шайки, подчинялся только предприимчивымъ наездникамъ, кто бы они нибыли, и слушался ихъ до тѣхъ поръ, пока подъ ихъ предводительствомъ не отбивалъ у Адыгъ землю. Едва же земля была залата, шайка разсѣивалась, строила хутора и до новой опасности не помышляла о сборѣ, слѣдовательно не думала о власти. По понятіямъ Абадзеха, власть надъ нимъ принадлежала только Богу и главѣ семейства. Казалось бы, при такомъ порядкѣ дѣлъ, самостоятельное существованіе племени, составленнаго изъ однородцевъ — не мыслимо. Но вышло на оборотъ: обработывая усердно землю, оно мужало, увеличивалось постоянно новыми Адыгскими выходцами, несавшими труда безвластнаго и въ заключеніи отичалось единомыслиемъ относительно взгляда на жизнь. Противъ умасловъ Адыгской аристократіи, Абадзехи единодушно возставали и поддерживаемые Убухами, съ которыми были въ дружескихъ и родственныхъ связяхъ, разрушали возни въ началѣ предпріятія. Съ отнятіемъ у Бжедуховъ бассейна р. Псекуса, а у Темирговскихъ племень пространство земли по р. Бѣлую, Абадзехи, удовлетворенные ею, прекратили завоеванія. Мирная жизнь, полная земледѣльческаго труда, родила зачатки гражданственности, чему много способствовали постоянные наѣзды адыгскихъ удалцовъ. Каждое ущелье и рѣка, смотря по населенности, поступили въ распоряженіе одного или нѣсколькихъ избранныхъ народомъ старшинъ, на обязанности которыхъ лежало сохраненіе внѣшней безопасности и внутренняго порядка. Эти старшины, потомки Оздемира, Кунмеза и погайскихъ мурзъ, родовой власти надъ населеніемъ не имѣли, а пользовались со стороны народа такимъ уваженіемъ, каковыя въ нашѣмъ простонародномъ обществѣ пользуется купецъ или чиновникъ. Вслѣдствіи времени влияние адыгскихъ племенъ отразилось было и на Абадзехахъ, въ отношеніи сословнаго раздѣленія народа, по обстоятельства не благоприятствовали первымъ абадзехскимъ старшинамъ, ставшимъ въ уровень съ тлекотлешами, присоединить къ этому званію и права, ему соответствующія. Званіе тлекотлеша, усвоенное ими для опредѣленія происхожденія своего сравнительно съ происхожденіемъ Адыгъ, и необходимое при мирныхъ сношеніяхъ съ ними, навсегда осталось званіемъ.

Тлекотлешами у Абадзеховъ были слѣдующія фамиліи: отъ Оздемира — Дауровъ, Бешико, Хуштаво и Епомуко; отъ Кунмеза — Анчоко, Джанкетъ, Безруко и Темдашъ; отъ погайскихъ мурзъ — Едиге, Касай, Унароко, Джябатуръ и Аджитляшъ. Остальной народъ, названный Адыгами — тлефоко-

тлемъ, принявъ это названіе послѣ Вайюкской битвы, результаты которой его облагородили. По примѣру адыгскихъ племенъ и племя абадзехское имѣло сословіе крестьянъ, но оно было въ началѣ сформированія племени не значительное.

Среди Абадзеховъ, занимавшихъ бассейнъ р. Псекуса, было двѣ фамиліи тлекотлешей: Едиге и Бешико, а изъ тлефоколя пользовались особеннымъ уваженіемъ потомки Неджюка, того самаго наѣзника, который прославилъ себя въ народѣ во время изгнанія Бжедуховъ. Неджюкъ, преслѣдуя ихъ, остановился на р. Супей, въ окрестностяхъ внѣшней Суиской станицы, гдѣ его партія, изъ опасенія обезсилить себя разсѣяніемъ, поселилась ауломъ. Крѣпкая лѣсная мѣстность Неджюкохавля благоприятствовала Абадзехамъ отразать нападешя бжедуховскихъ князей и дворянъ сосѣднихъ адыгскихъ племенъ, набѣги которыхъ были постоянны и опустошительны за укрывательство бѣлаго тлефоколя и огонь. Бѣжать къ Абадзехамъ значило для нихъ навсегда освободиться отъ преслѣдованій корыстолюбивыхъ властей. Въ періодъ же заселенія Абадзехами Псекуса, князья имѣли уже собственность, заботились объ ея приращеніи и давали народъ системою штрафовъ, основанной на обычаяхъ, исходившихъ изъ устъ сильнаго. Шапсугскіе и натухайскіе дворяне, интересы которыхъ были нераздѣльны съ интересами дворянъ бжедуховскихъ, при пособіи ихъ, такимъ же способомъ грабили народъ. Вслѣдствіи, когда мусульманская религія отдала на обсужденіе и рѣшеніе духовенства часть преступленій народа, бѣдствіе его еще болѣе увеличилось. Духовенство стояло на сторонѣ натухаевскихъ и шапсугскихъ дворянъ, которые были первыми послѣдователями Магомета. Боязнь лишиться мірскихъ благъ, доставляемыхъ торговыми сношеніями съ Турціей, и утратить влияние на народъ, заставляла дворянъ не только оставить христіанскую вѣру, смутно понимаемую, но сдѣлаться подданными Султана со всѣмъ народомъ, не думавшимъ однакоже о подданствѣ. Этого мало; натухаевскіе и шапсугскіе дворяне способствовали Крымскимъ ханамъ Казы-Гирею и Девлетъ-Гирею омусульманить всѣ племена Западнаго Кавказа, что сопровождалось немалымъ истребленіемъ народа, разореніемъ его хозяйства и уводомъ съ Кавказа множества женъ и дѣтей.

Замѣтить нужно, что распространеніе мусульманской вѣры встрѣтило въ разныхъ племенахъ отпоръ разныхъ сословій. Такъ, въ бжедугскомъ, темирговскомъ и кабардинскомъ князья и дворяне сочли безчестіемъ подчиниться наставленіямъ муллы и отстаивали свои непрочныя религіозныя убѣжденія какъ независимость, а тлефоколя напротивъ, въ мусульманской вѣрѣ увидѣлъ облегченіе своей участи, защищалъ духовенство и сохранилъ до настоящихъ временъ, подъ титуломъ султановъ, потомство тѣхъ крымцевъ, которые представлены были ханами въ роли приставовъ. Въ натухаевскомъ и шапсугскомъ племенахъ, особенно въ послѣднемъ, тлефоколя, усмотрѣвъ въ своихъ дворянахъ рынковъ поборниковъ новой вѣры, не увѣровалъ въ блаженство магометова рай, продолжалъ, по обычаю предковъ, ставить кресты, продолжалъ ѣсть свинину и терять двойное нго. Что же касается Абадзеховъ, то они менѣе другихъ пострадали отъ нашествія крымскихъ хановъ. Псекуские Абадзехи, укрывъ женъ, дѣтей и имущество въ глубинѣ тущобъ, почтительно приняли назначенныхъ имъ муллы и признали Турецкаго Султана повелителемъ горъ. А Абадзехи по рѣкамъ Пшищу и Пшехѣ, встрѣтивъ хановъ возлѣ

внѣшней Пшехской станицы, хотя и потерѣли жестокое пораженіе, но имъ удалось отстоять свои семейства и имущество, запрятавшаи въ густые лѣса, которые тянутся вдоль лѣваго берега р. Бѣлой, между Бѣлорѣченской и Ханской станицами. Убѣдившись, что Абадзехи защищаютъ не религіозныя убѣжденія, а имущество, ханы не настаивали на разореніи, а ограничившись оставленіемъ у нихъ значительнаго количества муллы, переправились чрезъ рѣку Бѣлую. Радужнымъ принятіемъ муллы, Абадзехи навсегда отдѣлились отъ вторженій Турціи въ лицѣ хановъ и Апанскаго Паши, а строгимъ исполненіемъ зекята, отдѣлились отъ преслѣдованій духовенства. Другаго ближайшаго вліянія Турціи надъ Абадзехами не имѣла, хотя и считала ихъ подвластнымъ племенемъ. Изъ вышеизложеннаго видно, что среднее сословіе въ адыгскихъ племенахъ находилось въ безотрадномъ положеніи. Въ племенахъ, гдѣ тлефоколя сочувствовали духовенству, участь его, какъ замѣчено выше, начала улучшаться; въ племенахъ же приморскихъ, вся надежда тлефоколя возложена была на собственные силы и содѣйствіе Абадзеховъ, пережившихъ введеніе мусульманскій вѣры безъ погрома и потери свободы. Сосредоточимъ же вниманіе исключительно на этихъ племенахъ, предложивъ разсказъ о торговлѣ людьми, которая преимущественно принудила шапсугскій и натухаевскій тлефоколя воспользоваться удобной минутой къ провозглашенію свободы.

Продолж. будетъ.

*) См. № № 2, 3, 4 и 23 Куб. В. Вѣд.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВАСЕВЪ И ПЕВУНЦА *).

IV.

Продолженіе.

Сильный запрос со стороны Турціи на Кавказскихъ красавицъ и мальчиковъ, изъ которыхъ первые поступали въ гаремы, а вторыми пополнялся корпусъ янычаровъ, возбуждалъ самую деятельную торговлю на берегахъ Чернаго моря. Заимались ею Убыхи, Наухавские и Шапугскіе дворяне, владѣвшіе приморскими бухтами. Золото, серебро и разныя матеріи щедро вознаграждали торговцевъ и заставляли ихъ, недовольствуясь сбытомъ живаго товара, пробовать маго куплей, добывать его воровствомъ и наконецъ даже у тюрковъ. Тогда бѣдствие народа дошло до крайнихъ предѣловъ; но онъ былъ молчаливой жертвой, она саясь съ одной стороны князей и дворянства бжедугскаго, имѣвшихъ и свою пользу отъ подобаго насилія, а съ другой Анапскаго Пашы, считавшаго его подвластнымъ народомъ, покорнаго Турціи дворянства. Одни Абазехи вольны были въ расплатъ съ похитителями дочерей, производя такіа хищничества у дворянъ и пряча кинцы у друзей своихъ, Убыховъ. Торговля эта, собиравшаяся разбоємъ, нѣсколько смягчена была крымскими и турецкими армянами, увлеченными на Кавказъ жаждою вѣрбывшихъ барышей. Съ появленіемъ армянъ, осыда поселившихся среди горцевъ, укоренилась правильная и добровольная продажа людей за товаръ, привозимые изъ Турціи. Мужъ продавалъ невѣрную жену или жену бездѣтную по согласію съ ея родственниками, имѣвшими въ виду часть свою долю. Отецъ и мать продавали дочерей своихъ, братья—сестеръ, также съ согласія семейства. По выдачѣ подарковъ владѣтели и сильными воякамъ, Армяне пользовались ихъ протектительствомъ, закупали живей товаръ въ окрестныхъ аулахъ, свозили его подъ одну кровлю, прилично кормили, прилично одѣвали и потомъ караванами доставляли къ морю, будучи въ дорогѣ обременены отъ нападеній вліяніемъ своихъ покровителей.

Стоимость женщины на мѣсть доходила отъ 200 до 500 руб. сер. на наши деньги,—дѣвушка отъ 500 до 800 р.—На берегу же моря она увеличивалась: за женщину вторія руки платили отъ 500 до 800 р. с., а за дѣвушку отъ 800 до 1500 р. с.—Глаза, талия, ростъ, ноги, рука и коса обращали особенное вниманіе офицеровъ и служили мѣриломъ платы. При покупкѣ взрослыхъ дѣвушекъ, соблюдалась строжайшая деликатность во время осмотра ихъ. Предварительно наученная матерью, онѣ сами знакомили покупателя со всеми своими прелестями, представляли ему въ кунацкой, освѣщенной каминнымъ огнемъ, за тѣмъ торгъ заключался внѣ ихъ присутствія. Осмотръ же дѣвушекъ до 9 лѣтъ былъ безцеремоуенъ. Покупатель, расположившись у камина, бралъ руки, ноги, ворочалъ ихъ, угадывая стоимость ребенка въ періодъ его развитія, обращалъ вниманіе на крѣпость сложенія тѣла и тутъ же назначалъ цѣну. Окончательная покупка живаго товара совершалась при свидѣтеляхъ и муллахъ, писавшихъ за вознагражденіе «двостеръ»—купчую. Мушны отъ 10—20 лѣтъ составляли также предметъ торговли. Мальчиковъ покупали съ осмотромъ, въ время котораго обращалось главное вниманіе въ черты лица и чистоту головы. Плата за нихъ и первыхъ рукъ простиралась отъ 200 до 500 руб.

сер. Что же касается до взрослыхъ мушны, то онѣ, если не были крестьянами, продавали себя добровольно, мечтая въ Турціи сдѣлать карьеру.

Черешенки охотно разставались съ родительскимъ кровомъ; гаремъ въ поэтическомъ воображеніи рисовался для нихъ земнымъ раемъ, полнымъ любви и блаженства, о чемъ онѣ имѣли извѣстія отъ подругъ своихъ, обновлявшихъ турецкую расу. Вѣбегъ съ этими извѣстіями нередко родители ихъ получали значительные подарки, въ числѣ которыхъ находились: «дарай»—шелковые матеріи; «некусшахаль»—румяны; «шихъ»—лописты «визтъ»—серьги и проч. галантерейные и туалетные предметы, возбуждавшіе тайное желаніе дикогорняки испытать завидную долю подругъ. Съ преданной дочерью мать прощалась, держа ее за руку и мотая три раза головой въ разныя стороны, что исполняла и дѣчь; за тѣмъ опускалась голова на противоположныя плечи и амилъ ручь слезъ (подъбуй у горцевъ есть принадлежность одного только брачнаго ложа). Отцу же стыдно было простаться; онъ гордо кивалъ головой, произнося «гогумакъ»—счастливой дороги. Оторванная отъ матери дѣвушка, дѣлалась собственностью покупщика и осушала слезы, принимая отъ негэкипировку, стоимость которой пропорціональна была ея красотѣ. Хозяинъ дарилъ ей: «дисшешао»—шапку, стеганую изъ холста и обтянутую широкимъ серебрянымъ галуномъ съ золотыми и черными кобмами, фигура этой шапки пирамидальная; «тыжина бгырыхъ»—сер брянный поясъ; «дари джышъ»—шелковую рубашку; «дари кантанъ»—бешметъ; «гоченъ»—шальвары; «таинедъ»—чулки, суконные для зимы, сафьянные—для лета; «сафтанъ чуакъ»—баннаки; «снхатюхъ»—наиболее покрывало, въ заключеніе—«анлиб цюкъ»—посовой платокъ. Сафьянныя корсеты, стеганымъ нитянымъ мануркомъ, «сафтанъ бгамашъ»,—приходилось хозяйну снабжать взрослыхъ дѣвушекъ изъ низшихъ сословій и 9-лѣтнихъ дѣвочекъ, не успѣвшихъ дома затянуть грудь свою, скрываемую подъ корсетомъ до замужества. Искупленные черешенки илти «унаутокъ», слушанокъ, пользовались со стороны хозяйна вниманіемъ и нѣсколько не чувствовали униженія рабства. Мечта о роскошной жизни въ Турціи и въся родная не разлучалась съ ними до самой кочермы; только на морѣ и на рынкѣ въ Стамбулѣ, гдѣ то и дѣло распаивалось покрывало овладѣвала или тоска по родицѣ, и мысль о неизвѣстной будущности леденила сердце *).

СТАВЛЬ НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ

БАССЕНЬ ПСЕГУНСА.

IV.

Продолженіе.

Со взятіемъ Генераль-Аншефомъ Гудовичемъ въ 1791 году крѣпости Анапы, Турецкое владѣтельство на Кавказѣ было потрясено въ самомъ основаніи. Натухаевскіе и шапсугскіе дворяне обязались присной удерживать подвластный народъ отъ набѣговъ въ наши предѣлы, также присягнули князья и дворяне бжедугскіе, по причины, побудившія тѣхъ и другихъ принять присягу, были различны. Покорность первыхъ имѣла въ виду матеріальную спору для поддержанія господства своего надъ народомъ, терпѣвшимъ, какъ сказано выше, насилие и обогащавшимъ его; покорность же вторыхъ была чистосердечная, основанная на существенной пользѣ, истекающей изъ добрыхъ съ нами отношеній.

По выступленіи нашихъ войскъ отъ крѣпости Анапы, натухаевскіе и шапсугскіе дворяне, представленные собственнымъ силамъ, тотчасъ должны были начать борьбу съ возставшимъ тльфокотлемъ. Составивъ собраніе, тльфокотль приговорилъ дворянъ къ лишенію права владѣть приморскими пристанями, къ лишенію права суда и расправы и безъ произвесть на дворянскія усадьбы нападенія. Изъ порядкѣ толпой и наполнили балку изрубленными опасеніи потерять наймное богатство, натухаевское трудными Казаки въ атакѣ не принимали участія дворянство не покушалось силой восстановитьъ власть; войды съ тльфокотлемъ въ переговоры, орудіе, первый выстрѣлъ котораго впервые познается до сильныхъ дворянъ шапсугскихъ, то имъ съсѣдомъ. Дорого обошлась бзюкская битва они опалались подъ предводительствомъ Али Султана тльфокотлю, потерявшему до 4000 человекъ тана Шеретлукова и начали усмирять народъ ору-убитыми и ранеными, по еще дороже она стала жемъ. Тогда соседное междуособіе вызвало съ Бжедугамъ, утратившимъ въ лицѣ князя Батыги обихъ, сторушъ безцѣловѣчннхъ задѣйствнхъ и опурея влияніе свое на сосѣдннхъ горскнхъ племена стошнтельные набѣги, въ которыхъ принимали Смерть Батыгирея и близость тльфовъ прекратила участіе Бжедуги, поддерживая дворянъ, и псекудн-неуимозное преслѣдованіе побѣдителей. Бжедуги и скіе абадзехи, помогая тльфокотлю. Во время этой войны заселило прикубанскія земли, дорованны дубомъ, молодымъ до того, что вѣтви его гнушесъ ему Императрицей Екатериной II. Для вѣрннхъ шапсугскіе переселились въ Бжедугамъ подъ по-зываютъ дубъ этотъ, названный «Батыгирей чн-вровнтельство вайтальнаго хамышевскаго князя Баты Гирея и рѣшились въ 1793 году послать въ Петербургъ депутацию къ Императрицѣ Екатери-Н съ просьбой о помощи противъ возмущившихся подданныхъ. При депутатахъ, душою которыхъ была Шапсугъ Али Султанъ Шеретлуковъ, нахо-дился, по обычаю горцевъ, за ходатая Бжедугскій князь Баты Гирей. Императрица, выслушавъ просьбу депутата, явившейся съ извѣщеніемъ вѣропод-данническихъ чувствъ, приняла ее внастоиво и по-вѣляла отъ Черноморскаго казначья войска дать про-симую помощь. Помощь эта состояла въ одной пушкѣ и нѣсколькихъ сотняхъ казаковъ. Въ 1794 году съ возвращеніемъ депутации изъ Петербурга, результаты ея сдѣлались извѣстны Шапсугамъ. Желая изба-вить семейства и имущество отъ вторженія псирн-тѣля, Шапсуги вооружились поголовно, усилились псекусовнхъ абадзехами и выступили на границу тль-свопхъ земель съ твердымъ намѣреніемъ рѣшитель-ной битвой отстоять свою независимость. Бжедуги также собрались поголовно на рѣшительную битву и оба войска сошлись на урочищѣ «бзюкъ». — крыло, бжедуговскнхъ жены во сто лѣтъ не исправить.» возлѣ имѣвшей Пово-Дмитрнвской станицѣ Псеку-скаго полка, гдѣ и произошло кровопролитное сра-женіе. Урочище бзюкъ находится между правыми берегами рѣкъ: Афинса и Шебжа и перерзываетъ-

ся сухой балкой, идущей параллельно теченію по-слабшей рѣки Южный гребень балки вѣчается тльфомъ, который тянется вдоль всего берега Афинса, а сѣверный гребень отгнры, соединяясь съ прику-банскою измѣнностью. Шапсугскій тльфокотль и Абадзехи заняли тѣса. Бжедуги, шапсугское дво-рянство и три сотни казаковъ съ артиллерійскимъ орудіемъ, замаскированными нарочитымъ отрядомъ, расположились на ровной мѣстности. Упомянутая балка раздѣляла враговъ. Крѣпкая позиція Шап-суговъ, болѣею частью ившихъ и превышавшихъ численностью противную сторону, не могла быть съ успѣхомъ атакowana кавалеріей, почему, по совету князя Батыгирея, ловкіе и отважные на бзюкнхъ завязали съ тльфокотлемъ перестрѣлку чрезъ оврагъ. Затѣмъ, джигиты, они мало-помалу вы-манили Шапсуговъ и Абадзеховъ изъ тѣсу, пока-зали тылъ и увлекли ихъ чрезъ балку. Въ этой джигитовкѣ былъ убитъ Шапсугскій князь Баты-гирей. Тогда торжествующій непріятель отважно бросился на Бжедуговъ, отступавшихъ къ казачь-ему резерву и попалъ подъ близкій картечный выстрѣлъ. Гулъ пушечнаго выстрѣла, дѣйствіе муть, въ одно время поражающихъ и людей и лошадей, навела на Шапсуговъ и Абадзеховъ па-ническій страхъ. Выдержавъ еще два картечныхъ выстрѣла, они въ ужасѣ предались бѣгству. Тог-да Бжедуги, метя за убитаго любимаго князя, и стремительно бросился за отступающей въ без-порядкѣ толпой и наполнили балку изрубленными орудіемъ, замаскированными нарочитымъ отрядомъ, расположились на ровной мѣстности. Упомянутая балка раздѣляла враговъ. Крѣпкая позиція Шап-суговъ, болѣею частью ившихъ и превышавшихъ численностью противную сторону, не могла быть съ успѣхомъ атакowana кавалеріей, почему, по совету князя Батыгирея, ловкіе и отважные на бзюкнхъ завязали съ тльфокотлемъ перестрѣлку чрезъ оврагъ. Затѣмъ, джигиты, они мало-помалу вы-манили Шапсуговъ и Абадзеховъ изъ тѣсу, пока-зали тылъ и увлекли ихъ чрезъ балку. Въ этой джигитовкѣ былъ убитъ Шапсугскій князь Баты-гирей. Тогда торжествующій непріятель отважно бросился на Бжедуговъ, отступавшихъ къ казачь-ему резерву и попалъ подъ близкій картечный выстрѣлъ. Гулъ пушечнаго выстрѣла, дѣйствіе муть, въ одно время поражающихъ и людей и лошадей, навела на Шапсуговъ и Абадзеховъ па-ническій страхъ. Выдержавъ еще два картечныхъ выстрѣла, они въ ужасѣ предались бѣгству. Тог-да Бжедуги, метя за убитаго любимаго князя, и стремительно бросился за отступающей въ без-порядкѣ толпой и наполнили балку изрубленными орудіемъ, замаскированными нарочитымъ отрядомъ, расположились на ровной мѣстности. Упомянутая балка раздѣляла враговъ. Крѣпкая позиція Шап-суговъ, болѣею частью ившихъ и превышавшихъ численностью противную сторону, не могла быть съ успѣхомъ атакowana кавалеріей, почему, по совету князя Батыгирея, ловкіе и отважные на бзюкнхъ завязали съ тльфокотлемъ перестрѣлку чрезъ оврагъ. Затѣмъ, джигиты, они мало-помалу вы-манили Шапсуговъ и Абадзеховъ изъ тѣсу, пока-зали тылъ и увлекли ихъ чрезъ балку. Въ этой джигитовкѣ былъ убитъ Шапсугскій князь Баты-гирей. Тогда торжествующій непріятель отважно бросился на Бжедуговъ, отступавшихъ къ казачь-ему резерву и попалъ подъ близкій картечный выстрѣлъ. Гулъ пушечнаго выстрѣла, дѣйствіе муть, въ одно время поражающихъ и людей и лошадей, навела на Шапсуговъ и Абадзеховъ па-ническій страхъ. Выдержавъ еще два картечныхъ выстрѣла, они въ ужасѣ предались бѣгству. Тог-да Бжедуги, метя за убитаго любимаго князя, и стремительно бросился за отступающей въ без-порядкѣ толпой и наполнили балку изрубленными

установили самоуправленіе, избравъ старшинъ, которымъ вѣрены были рѣши и ушеля. Торговля на пристаняхъ сдѣлалась свободной, судъ и рас-права перешли къ старшинамъ, дѣла религіозныя и насѣдственныя—къ мулламъ,—словомъ,—Шап-суги, достигнувъ свободы, перестали завидо-вать жизни Абадзеховъ и съ той поры названіе тльфокотль сдѣлалось почетнымъ названіемъ, при-личнымъ народу, не управляемому аристократіей. Вплотьдствіи шапсугскіе дворяне, войдя въ сноше-ніе съ бывшими своими властными, получили отъ нихъ позволеніе поселиться на своихъ пенеи-цахъ съ условіемъ—подчиниться общему народному управленію, но Али Султану Шеретлукову, гла-вному виновнику бѣдствій народа и гибели его въ бзюкской битвѣ—разрѣшеніе не последовало. Онъ вторично бѣдль въ Петербургъ и испросилъ у Императрицы Екатерины II дозволеніе посе-литься съ своими приближенными на земляхъ войска Черноморскаго, Онъ этого поселенія возникла напншннхъ Гривенская черресская станица.

Въ заключеніе приводимъ псію Бжедуговъ о бзюкской битвѣ, какъ образчикъ простой поэзіи горъ:

Его конь Хоаре былъ съ красивой шеей, на немъ онъ отважно вступилъ съ врагами въ бой.

Сражайся Батыгирей!

Немного прошло времени, конь Хоаре былъ усаивъ стрѣла-ми, торчавшими въ его бокахъ.

Сражайся Батыгирей!

Пшнхъ у него, какъ солнце былъ баестаян, между всѣми онъ, какъ солнце сіялъ.

Сражайся Батыгирей!

Но вотъ изъ его рукъ выпала плеть шелковая, и онъ зака-сился отъ ласъ, какъ молодая луна.

Стражайтесь Бжедуги молодцы!

Зачакаян Бжедуги, потерявъ въ бою любимаго вождя Ба-тыгирея, оплакала смерть его и Великая Царница.

Сражайтесь Бжедуги молодцы!

Батыгирей оставивши, рыдала по тѣлѣмъ счастливая невѣста шон-Гешевыхъ.

Сражайтесь Бжедуги молодцы!

«Отомстятъ врагамъ» радаясь крикъ въ воздухѣ и балка Псиде была овалена вражескими тѣлами.

Сражайтесь Бжедуги молодцы!

Взвостанувшій воротникъ обнаружилъ его панцирь, онъ былъ въ бою непобѣдимъ.

Шнемакъ Батововъ.

Въ ночное время оберегалъ онъ стады, какъ дѣпмъ обере-гать людей крѣпость.

Апчекъ Ахеджаковъ.

Пшнхъ онъ надвинулъ и, опустивъ забрало, прѣлаас въ средннхъ враговъ.

Исламъ Хаджимуковъ.

Онъ раненъ былъ въ бедро, и склонившись на шею коня, продолжалъ поражать враговъ.

Бекъ-Мирза Ахеджаковъ.

У него было лице желѣзнаго шѣта, и самъ онъ былъ же-лѣзнымъ человѣкъ, свистъ нухъ его тѣшнхъ.

Берзекъ Едиковъ.

Онъ имѣлъ широководный мушкетеръ и однимъ выстрѣ-ломъ убилъ двухъ враговъ.

Ахазъ Лакноковъ.

Онъ изтѣлвалъ тѣлошу лука во всю длину стрѣлы, и удары его стрѣлъ смертоносны были нуль.

Вады Демдажевъ.

Конь его былъ ивннхъ, съ головою, какъ у оленя, а самъ онъ впрѣлахъ головами Шапсуговъ.

Ахазъ Хаджимуковъ.

Его конь Беканъ игралъ подлѣ нимъ, а онъ не считалъ удары меча своего.

Агубокъ Хаджимуковъ.

Подлѣ нимъ была горячій конь Кодемекъ: онъ имѣ то-талъ Шапсугскую ибхоту.

Едыгъ Берзековъ.

Онъ славно палъ въ бою, и дѣри его саки закрыли маленькнхъ дѣтей.

Есенгелъ Ешуковъ.

* Императрица Екатерина.

Онъ первый сдѣлалъ выстрѣлъ и убилъ главнаго
Шапсугскаго вождя.

Закерей Хеусоковъ*).

Николай Камсеевъ.

Продолженіе будетъ.

22-го Марта 1867 года

Станица Ключевая.—

ГОДЪ

У-И

КУБАИСКІЯ

ВОЙСКОВЫЯ ВЪДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДЪЛЬНО ПО СУБВОТАМЪ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫИ.

БАССЕЙНЪ ПЕРКУПСА.

У.

(Продолженіе)

Разсказомъ о Брюкской битвѣ оканчивается въ изустныхъ преданіяхъ, сохранившихся у Абадзеховъ и у сосѣднихъ съ ними племенъ. Время проведенное горцами въ борьбѣ съ русскими ставками и кордонами, систематически подвигавшимися къ предгорьямъ главнаго хребта, оставило весьма мало фактовъ, которые, вѣрзавшись въ природную память, могли бы служить пособіемъ за котораю они платили негайскимъ мурзамъ Джебулатъ Болотоновъ водилъ большія партіи ихъ въ вооруженныя и внутри линіи, гдѣ въ числѣ прочихъ станицъ разграблена была Александрія, на р. Кумѣ. Такихъ образомъ, мирные аулы, владѣтели которыхъ получали отъ правительства за преданность значительные подарки и денежное ежегодное содержаніе, служили ненадежнымъ прикрытіемъ для русскаго населенія. Отвѣчая за участіе въ набѣгахъ дѣлостью своего имущества и аманатами, которыми угрожала ссылка во внутренніе города Имперіи, они употребляли все ухищренія, чтобы дѣлать вредъ русскимъ избѣгнуть отвѣтственности. Такъ, партія Абадзеховъ въ оба конца пути не забвала въ мирные аулы, избирала мѣста переправы гдѣ либо вдали отъ нихъ, отчего слѣды, открытый казаками, тянулася въ аульныхъ юртовъ, по мѣстамъ глухимъ, прямо за рѣку Бѣлую.—Мирные горцы оставались правыми, тогда какъ сдѣланный набѣгъ былъ общимъ между ними и Абадзехами дѣломъ.

водили опустошительные набѣги на старыя и вновь возникшія станицы.— По разсказамъ Абадзеховъ, племя ихъ, по запяишняго столѣтія, темирговскій князь Джебулатъ тѣмъ русскимъ населеніемъ земель, лежащихъ на Болотоновъ, съ шестью подвластными ему аулами, первоначально не шло подала отъ Лабы къ р. Бѣлой, сближеніе съ въ нему ни малѣйшей неприязни.—Русскіе не безъ Абадзехами сдѣлалось политической дѣлюю сосѣдъ зависимость; врожденная же страсть къ хищничеству удовлетворялась на земляхъ принадлежавшихъ Темирговцамъ. За Кубанью, интересовала Абадзеховъ, племена Адыге подстрекали къ набѣзеховъ исключительно Черноморская озерная соль, гамъ Абадзеховъ, были у нихъ вожаками, а князь за котораю они платили негайскимъ мурзамъ Джебулатъ Болотоновъ водилъ большія партіи ихъ свотомъ или кровью, дѣлая за нее вооруженныя и внутри линіи, гдѣ въ числѣ прочихъ станицъ вкспедиціи, а съ приходомъ русскихъ соль вымывъ разграблена была Александрія, на р. Кумѣ. Такихъ образомъ, мирные аулы, владѣтели которыхъ получали отъ правительства за преданность значительные подарки и денежное ежегодное содержаніе, служили ненадежнымъ прикрытіемъ для русскаго населенія. Отвѣчая за участіе въ набѣгахъ дѣлостью своего имущества и аманатами, которыми угрожала ссылка во внутренніе города Имперіи, они употребляли все ухищренія, чтобы дѣлать вредъ русскимъ избѣгнуть отвѣтственности. Такъ, партія Абадзеховъ въ оба конца пути не забвала въ мирные аулы, избирала мѣста переправы гдѣ либо вдали отъ нихъ, отчего слѣды, открытый казаками, тянулася въ аульныхъ юртовъ, по мѣстамъ глухимъ, прямо за рѣку Бѣлую.—Мирные горцы оставались правыми, тогда какъ сдѣланный набѣгъ былъ общимъ между ними и Абадзехами дѣломъ.

По невозможности составить перечень непрерывному ряду набѣговъ на кубанскую линію, являющихся въ главныхъ чертахъ сходство и отличающихся только различными результатами, разскажемъ о набѣгахъ Абадзеховъ незначительными и большими партіями, пополнивъ разсказъ нѣкоторыми очерками изъ внутренняго ихъ быта. Абадзехи, до принятія къ себѣ дагестанцевъ, Магомедъ Амица, предпочитали дѣлать набѣгъ незначительными партіями, и собственно потому что въ масѣ не терпѣли подчиненія.—Къ тому же, сборъ такой партіи не губалъ время на сознанія и въ случаѣ удачи набѣга, каждый

участникъ въ немъ рассчитывалъ на порядочную долю добычи. Порѣдко случалось, что незначительная партія высказывала на разбой безъ всякихъ приготовленій, разорѣтанъ буюю на свадебной пирушкѣ или вызваніи прѣбывавшими изъ отдаленныхъ ауловъ гостями.

Иногда въ счастье набѣдникъ, знакомый съ мѣстностью линіи и обычаями казаковъ, не сущихъ кордонную службу, избирался такой партіи «таматой» старшиной. Условившись съ товарищами о мѣстѣ перваго привала по близости линіи, онъ разлучался съ ними на правой сторонѣ р. Бѣлой и ѣхалъ въ гости къ пріятелю своему, какомунибудь мирному горцу. Въ мирномъ аулѣ скрывался отъ всевидящаго армянина, торговавшего въ аулѣ краснымъ товаромъ, и скрывался вообще отъ народа, среди котораго всегда почти находился пріятель кордоннаго начальства, именувшійся лазутчикомъ. Собрать нужная свѣдѣнія относительно предпріятого хищничества и притомъ мирнаго горца въ соучастники, тамате дѣлалъ значительный заворотъ отъ аула въ камыши или трясину, гдѣ поджидали его товарищи, оттуда воровалъ коня на сѣверъ, и къ утру, выкупавшись въ Кубани, обдумывался съ ними въ кустахъ между Кавказской и Казанской станицами, а усѣлъ, то и подальше, гдѣ либо въ балѣтѣ на рѣчкѣ Чыбасахъ. Днемъ, хищники не предпринимали никакихъ погнѣшеній, даже и въ такомъ случаѣ, если по счастью казачій табунъ находился въ самомъ близкомъ разстояніи отъ ихъ засады. Но какъ только наступитъ сумерки, и табунщики по обычаю расположатся похлебать кашки, хищники мигомъ на коняхъ, два, три выстрѣла потрясая воздухъ и поднятый табунъ стремглавъ полетѣтъ къ рѣкѣ Кубани за возакомъ «уае». Спарова горца, ведущаго табунъ, имѣла въ виду попасть сразу на заранее избранное мѣсто для переправы, несмотря на самую глухую ночь. Въ хвостѣ отбитаго табуна, неслись остальные хищники, главноею заботой которыхъ было устроить все что могло скоро распространить тревогу. Абадзехъ искалъ у казаковъ не крови, а добычи, и потому если табунщики по оплошности оставались пѣшими, хищники ихъ не трогали, если же усматривался вѣстникъ, скачущій по направлению къ посту или станицѣ, то онъ преслѣдовался до послѣдней возможности и спасеніемъ своимъ обязанъ былъ единственно случаю. Очень рѣдко удавалось хищникамъ переправить дѣлюкомъ табунъ на лѣвую сторону Кубани и Лабу. При этомъ удавшемся набѣгѣ, голова табуна была уже за Лабую, а на хвостѣ его производилась перестрѣлка съ казаками, собирающимися отсталыхъ изуревренныхъ лошадей. Наступающая почъ прекращала преслѣдованіе. За Лабой, хищники считали себя дома, дѣлали привалъ и отганивались съ мирнымъ горцемъ, которому предстоило иногда нелегкій трудъ, безсѣдно добираться до своего аула, куда чрезъ нѣсколько дней высылалась часть изъ отбитой добычи, вылавшая на его долю — Большіе сборы для набѣговъ на линію, при отсутствіи администраціи у Абадзеховъ, тянулись обыкновенно нѣсколько недѣль. Ихъ могъ предпринимать иной набѣдникъ изъ сословія таскотлей. Побужденіемъ въ такому набѣгу служили добрыя вѣсти, доставляемыя о линіи мирными горцами. Они заключались: въ указаніи мѣста, гдѣ сосредоточивались русскія войска; въ свѣдѣніяхъ о численности войскъ, составлявшихъ постоянныя прикрятіе кордонъ; въ указаніи мѣстоахожденій

табуновъ и стадъ, принадлежавшихъ казакамъ. Не оставали горцы безъ внименія и характеристику отдѣльныхъ мѣстныхъ начальниковъ. Сборъ большій партіи производился съ соблюденіемъ строжайшей тайны о предполагаемомъ пунктѣ набѣга и времени выступленія. Пріятель кордоннаго начальства, готовые за нѣсколько карбованцевъ продать своихъ товарищей, выходили и въ средѣ Абадзеховъ. «Дзешни», начальникъ отряда, и надежные приближенные къ нему набѣдники, одни знали планъ набѣга, обдумывали его до мельчайшихъ подробностей въ тайныхъ совѣщаніяхъ, и отправляли иногда на линію за новостями ловкаго, стоголазаго лазутчика «плагю», который начиналъ съ того, что бралъ на себя ложную роль человека, желающаго услужить кордонному начальству и прибывшаго искать добраго съ нимъ знакомства. Онъ поступалъ обыкновенно въ распоряженіе переводчика, сшивающаго съ него допросъ. Если переводчикъ любилъ пускаться въ политическія разсужденія, то почти всегда преговаривался...—что и нужно было этому новому знающему кордоннаго начальства. Послѣ допроса, отпущенный съ честью и съ наградою, лазутчикъ въ сопровожденіи казаковъ доставлялъ Кубани, переправлялся и исчезалъ. По линіи же носились: ковертъ съ причетаннымъ перышкомъ, заключающій секретныя распоряженія о сосредоточеніи войскъ, и дидула, предупреждавшая все населеніе о сборахъ непріятеля.

Возвращеніе лазутчика рѣшало выступленіе партіи въ набѣгъ. Абадзехи разныхъ ауловъ собирались въ аулъ, въ которомъ жилъ предводитель, и тамъ, въ присутствіи его и муллы, они присягали на коранѣ: съ минуты выступленія до роспуска подчиняться ему безусловно; непобуждаться на измѣну и довольствоваться равнымъ дѣлею добычи. Партія размѣщалась въ аулѣ по савьямъ, а почетные набѣдники были гостями предводителя. Послѣ роскошнаго у него угощенія, происходило гаданіе: хозинъ бралъ косточку «ченъ» бараній алычкѣ и бросалъ ее на полъ, вселѣ каминна. Если косточка падала гладкой поверхностью къверху, то это предвѣщало неблагоприятный исходъ предпріятію. Набѣгъ откладывался, что значительно уменьшало численность партіи. Когда же косточка падала гладкой поверхностью кънизу—увѣренность въ удачу одушевляла все собраніе, и хозинъ тономъ начальника объявлялъ медленное выступленіе. Свѣтъ на коней, партія крупной шиходью пускалась за рѣку Бѣлую, за рѣку Лабу и достигала Кубани непременно съ какойто солида. Одна половина партіи оставалась въ скрытномъ мѣстѣ резервомъ; остальные набѣдники вынимали «швентъ» козы мѣха съ обитой шерстью, вкладывали въ нихъ одежду, пистолеты, кишмады, вусную провизію, надували ихъ, завязывали и, укрѣпивъ на верху ружья и шапку, бросались въ рѣку. Каждый горецъ одною рукою держался за швентъ, другою—держалъ поводъ лошади, и въ нѣсколько минутъ выносился теченіемъ рѣки на правый берегъ. Одѣться, вооружиться и осмотрѣть исправность ружей, было первымъ дѣломъ послѣ переправы. Потомъ набѣдники заботились скрыть свое присутствіе подъ крутымъ берегомъ Кубани, заросшимъ кустарникомъ или лѣсомъ, и изъ этой засады выслали пѣшіе пикеты, выѣсть въ отпѣхъ лазутчиками, знавшими хорошо впередъ лежащую мѣстность. Первые располагались поблизости своей партіи, а вторые дѣлали засаду по близости станицы, откуда возможно было бы за-

мѣтить исполненіе казаками обычныхъ прикрятій кордонной службы, а именно: выѣздъ ихъ изъ станицы и поста для осмотра дороги, а потомъ возвращеніе на свои мѣста и посты рапорта о безпородици, выпускъ изъ станицы на пастбу гатаго скота, лошадей, и жителей на пастбу боты. Возвратившіеся пользой лазутчики, одинъ моментъ поднимали партію. Набѣдники вынимали изъ лошадей, быстро выѣзжали изъ засады, разсыпались и совершали нападеніе. Безсмысленныя нападенія и быстрота въ захватъ скота, лошадей и пѣшихъ по истинѣ были изумительны. Неря времени на поджоги, ни на погону за конемъ, либо конемъ, оторвавшимся отъ стада и преслѣдованіи казаками, помчавшимися съ извѣстіемъ о поиманіи хищниковъ, набѣдники захватывали переполняющуюся подъ руку добычу и гнали ее во духъ къ Кубани. Тамъ принимали ее для переправы на противоположный берегъ рѣки, оставаясь въ резервѣ горцы, ведя между тѣмъ переговоры съ приславшимися по тревогѣ казаками, вѣры по малочисленности своей неотваживались бѣгнать къ мѣсту переправы, прикрываемою нѣкой мѣткою огня. Занятые переправой горцы ли обнажены, и преследованіе шентовъ доставило на лѣвый берегъ жнщницъ, дѣтей и растерявшихся, рѣдко связанныхъ, взрослыхъ пѣшихъ, удалыхъ же безоружныхъ казаковъ, сопротивлявшихся пѣду, на переправѣ не было, они переплыли или тяжело изранены въ моментъ переправы. Что же касается лошадей и скота, то переправляли въ плавъ, пуская за возагомъ пѣлю, удерживаемой въ порядкѣ боковыми шестами, выстрѣлами и отрывистыми криками: «хай! хай!» Но вотъ доставленіе добычи начинало прекращаться: у берега Кубани появлялись дѣловые кони безъ всадниковъ, появлялись кони съ двумя всадниками, изъ которыхъ одинъ или убить, а слѣдомъ за отступающими хищниками и на перерѣзъ имъ, въ распыленную нѣтъ гикомъ казаки. Наступаетъ для горцевъ титеская минута. Настигнутое на берегу Кубани казаками, они поставляютъ захваченную и направленную еще добычу и сами бросаются въ ку подъ градомъ казачьихъ пуль. Отрѣзавшись отъ удобнаго спуска къ переправѣ, горцы бѣгутъ въ рѣку съ кручи, и бѣгутъ въ ней съ лошадьми.

Впрочемъ, атаки казаковъ, производимыя горичимъ слѣдамъ на правой сторонѣ Кубани рѣдкихъ случаяхъ были для хищниковъ опасны. Имъ угрожалъ атаки подвижныхъ казачьихъ зервухъ, иногда поддержанныхъ пѣхотой и артилеріей, которыя, направляясь чрезъ извѣстныя броды и паромныя сообщенія, стремились въ путь партію до рѣки Лабы и отрѣзать ей правую. Тогда, мало того, что бывала отбита добыча, но и хищники терпѣли страшное пощеніе. Во избѣжаніе подобаго несчастья, захваченная добыча безъ малѣйшаго промедленія угонялась Кубани самымъ необходимымъ числомъ хищниковъ дѣлали узкую сакму; прочіе раздѣлялись на партіи и служили ей прикрытіемъ. Большая часть того направленія, по которому угнали добычу и скрывалась въ первой ветривенной балкѣ, и скрывалась наблюдательными шкентами и дѣла въ возвышенности, допускавшие обширнѣе можно большее пространство. За тѣмъ начиналось отступленіе: передовая партія дингалась тамъ

равной рысью, а задняя джигитовала, проскакивая съ кургана на курганъ, съ возвышенности на возвышенность, зорко всматривалась на Кубанскую равнину, гдѣ эшелонами уже неслись казачьи сотни. Съ кургановъ раздавалась сигнальные выстрѣлы. Кто изъ пикетныхъ горцевъ надвигался на войска, тотъ по прогаламъ съ мѣста, прочіе во весь духъ дѣтали по прямой линіи къ парти дашни, который, прибавивъ ходу, вытѣкалъ на первую возвышенность, чтобы умышленно обнаружить себя преслѣдователямъ и заставить ихъ сдѣлать предположеніе о присутствіи въ средѣ его парти дашни. Если замѣтно было, что хитрость не удалась, и джигитовки сотни казаковъ не пропустили узкой сѣмки, по которой прошла добыча, а держались ее, отбѣгали въ тоже время особли отъ себя команды для боя съ находившимися въ виду ихъ хищниками, то оставіиися въ дѣйствительнаго направленіи добычи джигиты, неслись стѣпой на неудачно маскированный пунктъ деревняры и увлекали за собой всю парти съ ея предводителемъ. Въ такихъ случаяхъ, набѣгъ былъ безуспѣшенъ и дорого обходился горцамъ. Когда же казаки первого эшелона, увлеченные открытіемъ неприятеля и близостью его пикетовъ, оставили безъ вниманія узкую сѣмку, и завязывали перестрѣлку съ смѣльчаками, хладнокровно поджидавшими ихъ на ружейный выстрѣлъ, тогда парти дашни укорачивала ходъ и старалась прогнать время въ джигитовкѣ съ казаками, не отказываясь даже выдержать при этомъ нѣсколько рѣшительныхъ натисковъ. Словомъ, при отступленіи большой парти хищниковъ съ отбитой добычей, всѣ тактическія соображенія заключались въ 1-хъ въ томъ, чтобы скрыть отъ казаковъ дѣйствительное направленіе добычи и во 2-хъ, чтобы посредствомъ сильной демонстраціи, дать ей время убраться за Лабу прежде, чѣмъ достигнуть до этого рубежа преслѣдующіе. Вотъ въ этихъ-то обстоятельствахъ, знаменитая Кавказская джигитовка дѣлала великое дѣло, и оказывала горцамъ важнѣйшую услугу, задерживая самое горячее преслѣдованіе и отнимая у преслѣдующихъ вѣрнѣйшій залогъ успѣха—время.

Передъ закатомъ солнца, парти достигала рѣки Лабы уже разсвѣтливой, и на своихъ плечахъ вынесла преслѣдователей на лѣвый берегъ, поросшій тѣсомъ и едва проходимымъ вустарникомъ. Здѣсь хищники переводили духъ, считали себя въ серьезной опасности и провожали возвращавшихся казаковъ прощальными выстрѣлами.

За Лабой, въ мѣстѣ безопасномъ, дѣлался привалъ, для чего избиралась тѣсная поляна поблизости источника, на которой уже дымилась костры, разведенные хищниками, пригнавшими добычу. Группа измученныхъ дорогою пѣльныхъ, въ числѣ которыхъ взрослые мужчины были связаны, сдѣла окруженная кострами; женщины, захваченныя безъ дѣтей, рыдали, утѣшаемыя на непонятномъ языкѣ караульниками; тѣмъ, у которыхъ были дѣти, скрѣпи сердце утѣшали и били плачущихъ дѣтей. Роснаты светъ и лошади, одѣланы также карауломъ, тѣснились въ куту поляны, лишенные, въ видахъ сохраненія здоровья, воды и корму. Положивъ морды другъ другу на спинну, животные жадно втягивали сырой, тѣсной воздухомъ и стояли какъ вкопанныя.—Возлѣ прочихъ костровъ лежали на буркахъ раненные хищники, раны которыхъ уже были перевязаны; а дальѣ, въ освѣщенномъ мѣстѣ бивуава, подъ деревьями, на сучьяхъ которыхъ повѣшено было

оружіе, лежали трупы убитыхъ хищниковъ, завернутые въ бурки и тщательно увязанные; ихъ окружали товарищи одноуальды.—По прибытіи всей парти, дашни, обезопасивъ бивуаки секретарями, отдавалъ команда свизать оружіе и шель къ убитымъ почтять ихъ слабую смерть поклонениемъ.—Посидѣвъ возлѣ каждого трупа нѣсколько минутъ съ пониженной головой, онъ уходилъ ошелаченнымъ. Послѣ него то же благоговѣющее поклоненіе мертвымъ дѣлалось и другими навѣдывавшимися всей парти—Самымъ оживленнымъ мѣстомъ бивуака было то, гдѣ зарѣзанная во имя Аллаха свѣтина, едва выдерживавшая перегонъ, раздавалась приходившимъ.

Хотя набѣгъ считался удачнымъ и веселить сердце каждого участника въ немъ, но присутствіе убитыхъ и раненыхъ назвало на всѣхъ печать глубокой скорби.—

Николай Камелъевъ.

23-го Октября 1867 года.

Ст. Ключевая.

(Продолженіе будетъ)